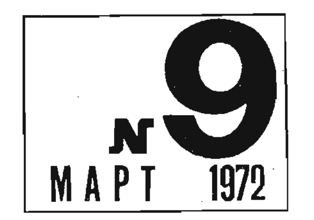
— Посевную кампанию мы решили начать при попутном весеннем ветерке.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

КРОКОДИЛ

Вадим ПОЛУЯН

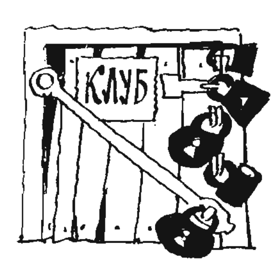
ЗАСТОЛЬНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В лесопункте скоро вечер.
Отдыхать придет народ.
О любви залетный ветер
нынче лекцию прочтет...

Вьюги очередь настанет
спеть о солнце и весне...
Вслед за ней исполнит танец
самодеятельный снег...

И взаправду — вот и вечер,
смех девичий там и тут,
парни, стройные, как свечи,
за девчонками идут.

В стужу стынет лунный клубень,
лес ершится, как тулуп...
Хорошо б согреться в клубе,
но молчит холодный клуб.

Клубный свет на снег не ляжет,—
на двери опять замок.
Не споет никто, не спляшет.
И баян давно замолк.

А зато через дорогу
ярко светится окно
и следы ведут к порогу,
где веселье за стеной.

Там не скучен ранний вечер,
звук баяна соловьист,
людный стол бурлит, как вече,
стерта краска с половиц.

Инженер с ножом столовым
мушкетерит, как Портос.
Местный врач над блюдом плова
произносит пышный тост.

Две учительницы хором
затянули «Вечера».
Веселись, культурный форум!
Мажься хреном, ветчина!

А кудрявая завклубша,
инженерская жена,
на диван уселась глубже
и сидит, ублажена.

На гвоздях теснятся шубы,
вечеринка у врача...
Под окошком лесорубы
ходят, маются, ворча.

Говорит Наташа Генке:
— Ты умишком пораскинь,
как сказать интеллигентней
этим людям городским:

«Вы культурны,
мы вас любим.
Так не прячьтесь за окном.
Отдыхать бы надо в клубе,
а не дома за столом!»

Е. КРУКОВЕЦ,
специальный корреспондент Крокодила

О ВЕТЧИНЕ С ХРЕНОМ И ДЕСЯТИ ПАРОВОЗАХ

Если вы решили докопаться до истинных причин, порождающих прогулы, то можете, конечно, провести социологическое исследование с одним-единственным вопросом: «Ты почему, такой-рассякой, вчера не был на работе?» Провести его нетрудно, ибо в большинстве случаев прогульщики на вышеупомянутый вопрос дают исчерпывающий ответ.

Вот, пожалуйста: «Я не работал с одиннадцатого по пятнадцатое по семейной причине без уважительной причины».

«Я не вышел на работу в связи с тем, что ходил в церковь, ел ветчину с хреном и пил водку, что и объясняю».

«Ко мне пришел товарищ с бутылкой и с женой, я тоже взял бутылку и жену. Всю эту гадость мы выпили, и сегодня я пришел на работу с опозданием и с запахом перегара».

Как видите, ясно, непосредственно и четко. Остается принять меры.

Только, принимая меры, следует соблюдать осторожность. Потому что такой прогульщик, как и все чересчур откровенные люди, легко раним. Слишком крутой меры он, гляди, и не выдержит. У него в этом случае может появиться собственное желание, которое он и изложит в соответствующем заявлении. И уйдет, поплевывая через левое плечо, прогуливать на другом предприятии. А вам придется сидеть и дожидаться, пока явится прогульщик, уволенный по собственному желанию с соседнего завода.

Вот почему, повторяем, принимая меры, надо быть осторожным. Когда рабочий Заставновского райбыткомбината (Черновицкая область) Вашулов в феврале прогулял, ему немедленно объявили выговор. И это, конечно, сильно травмировало прогульщика. Поэтому уже в начале следующего месяца ему выдали премию за тот самый огорчительный февраль.

Когда на Львовском паровозовагоноремонтном заводе (ЛПВРЗ) заметили, что молодому рабочему Игорю Малиголовке трудновато регулярно посещать предприятие, то ему по всей строгости выдали бесплатную путевку в Анапу. Отбыв полный срок на курорте, Игорь решил малость поразвеяться в Москве, где и пробыл сверх отпуска еще две недели. Пока на заводе раздумывали, что бы ему за это сделать — то ли в профилакторий послать, то ли в туристскую поездку,— Малиголовка снова на несколько дней исчез. Лишь после этого скрепя сердце решили с ним разлучиться.

Не удивительно, что при такой последовательной борьбе с прогулами завод за год недодал продукции на 120 тысяч рублей, или, иначе говоря, не отремонтировал десять паровозов.

Но в то же время эти цифры неожиданно раскрывают еще одну сторону вопроса. Оказывается, наш учебно-показательный, измочаленный карикатуристами прогульщик в количественном отношении является отнюдь не самой яркой фигурой. Смотрите: в прошлом году потери предприятия из-за обычных прогулов составили 883 человеко-дня, а потери из-за невыходов с разрешения администрации — 8 110 человеко-дней. Такого отсутствующего вообще невозможно подвергать социологическому исследованию, ибо на вопрос: «Ты почему, такой-рассякой, вчера не был на работе?» — он незамедлительно ответит: «А ты, такой-разэтакий, сам ведь меня отпустил».

Но почему же так великодушно отпускают с работы? Не ветчину же с хреном есть в конце концов? Разумеется, нет. Отпускают в связи с разнообразными семейными обстоятельствами, бракосочетаниями, спортивными состязаниями и подобными важными делами. Можно, очевидно, дискутировать по поводу того, хороша ли традиция, при которой человеку не хватает субботы и воскресенья, чтобы отметить первую (и, как он верит, последнюю) в своей жизни женитьбу. Но почему именно в рабочее время надо играть в пинг-понг или футбол?

Проведенная на заводе проверка показала: люди часто отпрашиваются с работы, чтобы попасть в мастерские по ремонту обуви и одежды, в жэки и домоуправления, паспортные столы и так далее и тому подобное.

Но неужели в эти уважаемые учреждения нельзя попасть в свободное от работы время? В прошлом году тернопольские народные контролеры провели эксперимент: выбрали один день и побывали в различных учреждениях и на предприятиях, обслуживающих население. Так вот, в этот день отдел жилищно-кооперативного строительства посетили сорок пять человек, из них двадцать шесть отпросились с работы. Контора «Тернопольгаз» организовала сдачу техминимума по правилам пользования газовыми приборами с двух часов дня. Пришло пятьдесят человек, каждый пятый отпросился с работы. Так же точно ушел с работы каждый пятый посетитель паспортного отдела нотариальной конторы. А в секторе жалоб и заявлений горисполкома из двадцати трех посетителей девятнадцать явились в свое рабочее время. Но иначе сделать и не могли, так как их рабочее время тютелька в тютельку совпадало с рабочим временем названных учреждений.

По результатам проверки горисполком принял специальное решение, в котором конкретно указал, каким организациям и как именно следует изменить распорядок рабочего дня. Например, магазину «Оптика» велено было работать до 8—9 часов вечера (этот магазин в день проверки посетили 192 близоруких и дальнозорких тернопольчанина, из которых 56 отлучились с работы). Будучи недавно в Тернополе, я решил посетить эту «Оптику». В начале седьмого магазин был уже закрыт.

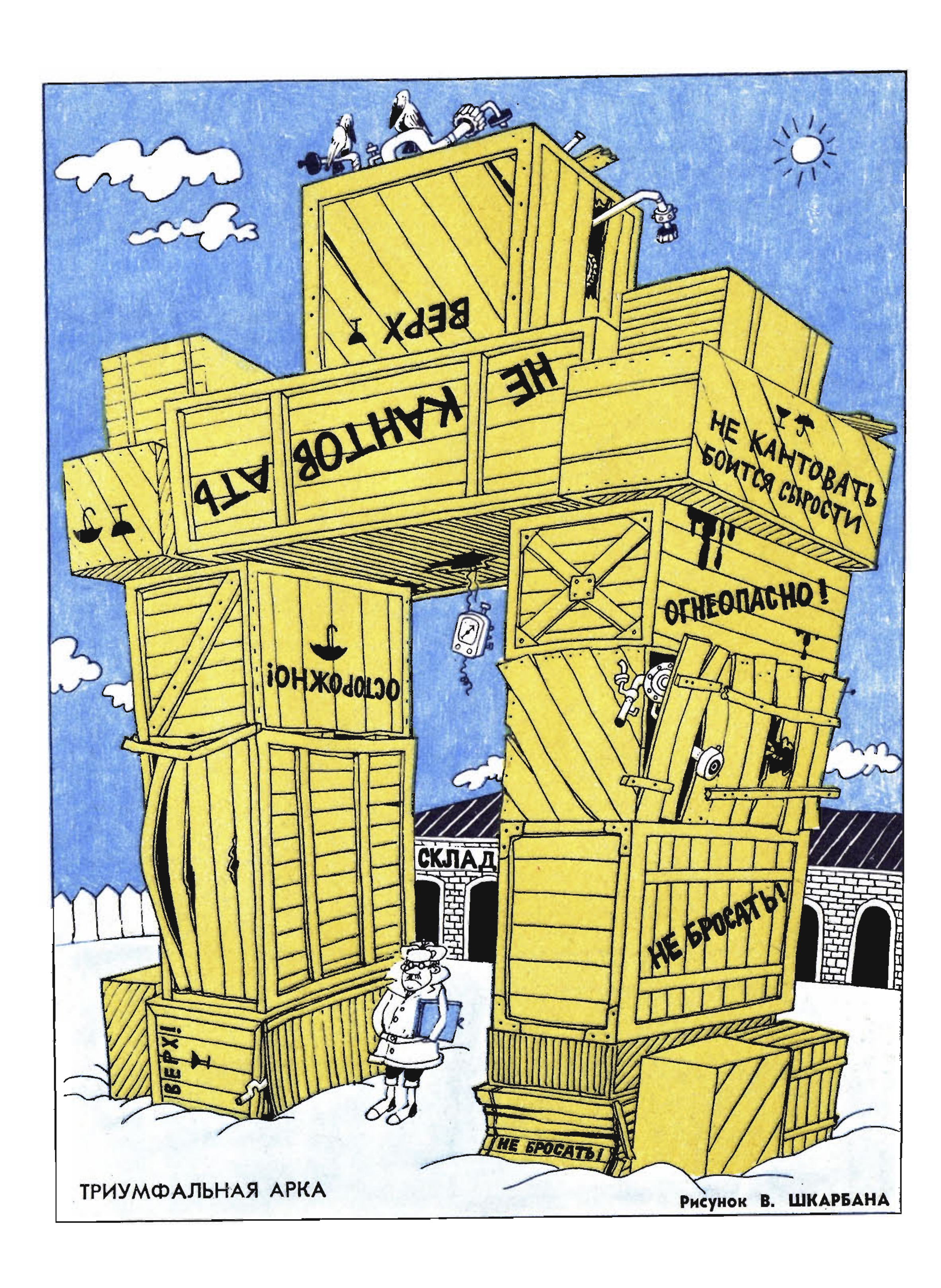
Пошел я в горисполком сообщить руководителям о том, что их решение не всюду выполняется. Но в половине седьмого сообщать уже было некому. На дверях общественной приемной висел график приема, из которого явствовало, что после шести часов вечера ходить сюда ни к чему.

Но бывает еще и так, что на вопрос: «Ты почему, такой-рассякой, не был вчера на работе?» — человек может ответить: «Был, хотя в то же время и не был». На том же Львовском ПВРЗ было установлено, что только на плановые совещания у начальника завода, его заместителя, главного инженера, у руководителей служб и начальников цехов за год было истрачено 18 477 рабочих часов. Примитивный пересчет показывает: это все равно, если бы девять работников в течение года каждый день от звонка до звонка сидели бы и разговаривали. Бедняги!

А здесь еще не учтены различные общественные форумы, которые, чего греха таить, тоже ведь нередко проводятся в рабочее время.

В разговоре с руководителями предприятия выяснилось, что затраты рабочего времени в связи с вызовами в различные местные организации составили за год: у начальника завода — 420 часов, у главного инженера — 120.

Но ведь 420 часов — это два с половиной рабочих месяца. Добавьте к этому сорок семь дней, проведенных начальником завода в служебных командировках, да еще месяц положенного отпуска — и окажется, что практически руководитель отсутствует на заводе чуть ли не пять месяцев. Не много ли? Ведь если этак и далее пойдет, то вскоре, гляди, и отпрашиваться с работы не у кого будет!

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА

Рисунок В. ШКАРБАНА

Эм. ПРАГ

ЖЕРТВА НАУКИ

Встретились лингвисты на дороге:
— Как дела, дружище!
— Как в раю!
Десять лет корпел я. И в итоге
Сделал диссертацию свою!
Труд большой нашел в ней отраженье!
Вот она, родимая, в руке:
«Хамские слова и выраженья
В нелитературном языке».

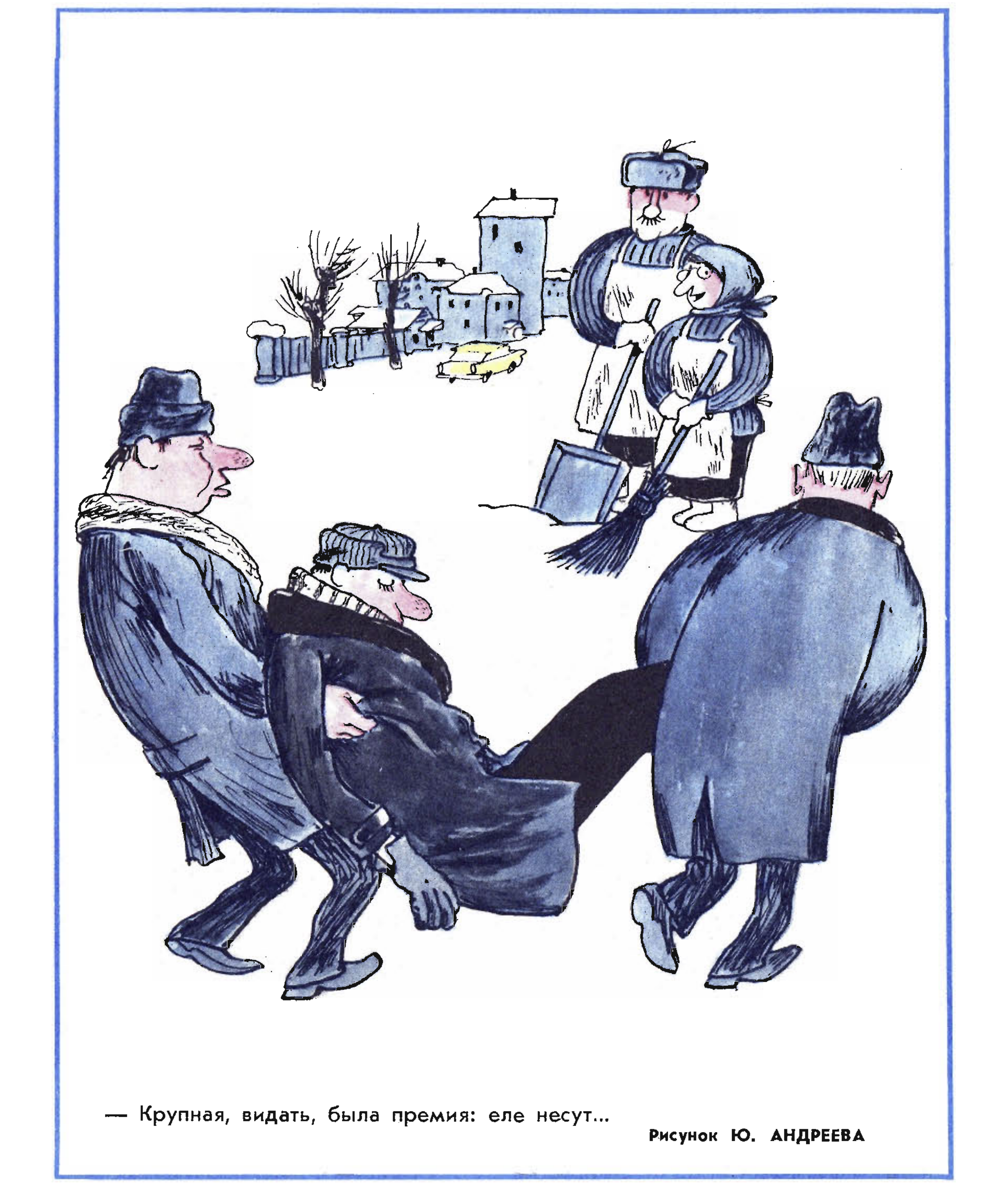
Все пути к защите мне открыты!
Но скажу вам, правды не тая:
Как доходит дело до защиты,
Трудности испытываю я!..
Ох, уж деликатнейшие души!
Стоит лишь примеры привести,—
Оппоненты затыкают уши,
И защита вновь — прощай-прости!

г. Фрунзе

Юрий БЛАГОВ

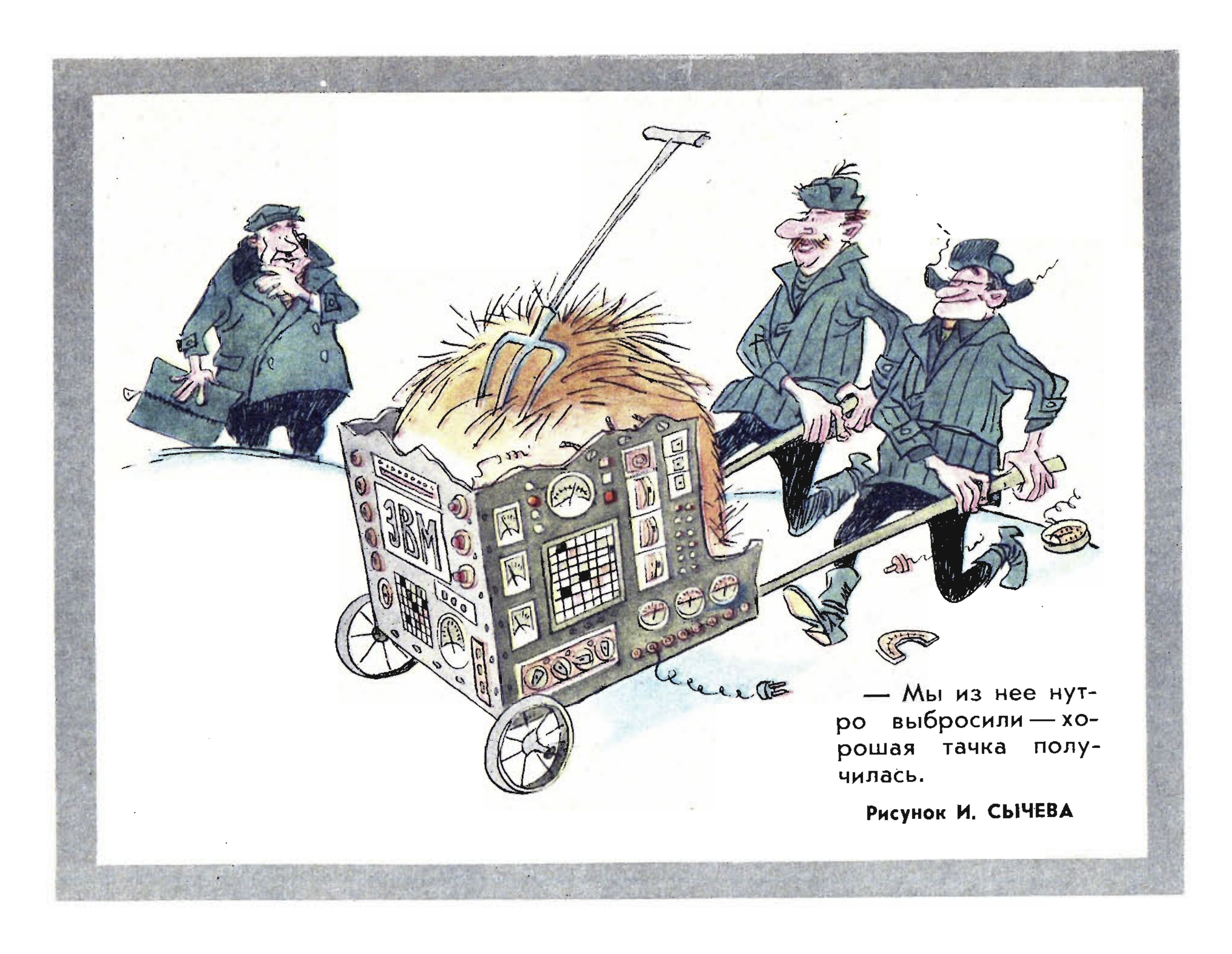
БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Бег полезен для людей,
В нем от тучности спасенье,
И на улице своей
Стартовал я в воскресенье.
Но едва пустился в бег,
Речь прохожие заводят,
Мол, солидный человек,
А бежит, когда все ходят.
Лишь старушка мой престиж
Под защиту взять решилась:
— Без нужды не побежишь.
Видно, что-нибудь случилось...
Я прибавил было шаг,
Не желая слушать вздора,
Вдруг какой-то весельчак
Заорал: — Держите вора!!!
Вмиг со мной включилось в кросс
Человек, примерно, двести;
Финишировать пришлось
Нам в милиции всем вместе.
Словом, бегать тяжело,
Весь этап подобен пытке,
Но зато я три кило
Сбросил в первой же попытке.

— Крупная, видать, была премия: еле несут...

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

— Мы из нее нутро выбросили — хорошая тачка получилась.

Рисунок И. СЫЧЕВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«БАШНАБАШНИКИ»

Товарообмен существует издавна. И виды его весьма разнообразны. Правда, в нынешнее время личные вещи при товарообмене уже не котируются. А между организациями происходят примерно такие обмены. Захотелось работникам Куйбышевского автобусного парка полакомиться икоркой. А откуда она может быть в парке? Здесь только автобусы. Но икра есть на Гурьевском икорно-балычном заводе, а вот автобусов там нет. Вот и решили эти две организации совершить обмен. Баш на баш. Икорно-балычный завод получил автобусы, а автобусному парку отправил полцентнера паюсной икры.

Об этой операции между заводом и автопарком рассказывалось в фельетоне Р. Киреева «Башнабашники» («Крокодил» № 2).

Как сообщил заместитель начальника Центравтотранса Министерства автомобильного транспорта тов. Б. Ярмоленко, за нарушение финансовой дисциплины главный бухгалтер автопарка А. Шабанова снята с работы.

Республиканское объединение обязало начальника Средне-Волжского транспортного управления усилить контроль за производственно-хозяйственной деятельностью автопредприятий.

«К БАРЬЕРУ!»

В одноименном фельетоне («Крокодил» № 29 за 1971 год) рассказывалось, как весело жилось некоторым работникам Зареченской передвижной механизированной колонны. Старший бухгалтер А. Чикина, счетовод-кассир А. Фоменко, главный инженер П. Шестаков и другие во главе с директором П. Шептуновым на протяжении ряда лет занимались хищением денежных средств на родном предприятии. Способы были разные: составление ведомостей на зарплату «мертвым душам», приписки, продажа лесоматериалов...

Как сообщил прокурор Орловской области тов. В. Тимофеев, против расхитителей было возбуждено уголовное дело. Девять из них осуждены на разные сроки лишения свободы.

«СЧАСТЬЕ В НАГРУЗКУ»

Всякие бывают виды торговли. В селе Курсавка, Ставропольского края, например, магазины ввели натуроплату. Так, электроплитка стоит 20 яичек («Крокодил» № 14 за 1971 год). В краматорском магазине «Урожай» продают товары уже по-другому. Добровольно-принудительно. Хочешь откушать зеленого горошка или апельсинов, бери еще и консервы — мясо с рисом или кильки (№ 15 за 1971 год, заметка «Сотворение видов»). А в фельетоне «Счастье в нагрузку» (№ 21 за 1971 год) рассказано о том, что в уиивермаге г. Дзержинска, Донецкой области, продают холодильники с приложением лотерейных билетов.

Как сообщил заместитель председателя правления Ставропольского крайпотребсоюза В. Дегтярев, председателю правления Курсавского сельпо Г. Беднику строго указано. Руководители Краматорского торга и Донецкого УРСа также сообщили о том, что виновные в нарушениях правил торговли наказаны.

Сергей СМИРНОВСКИЙ

Точка

Стояла Точка в закуточке,
Завточкой в розовом платочке
Из винной разливала бочки
Двухсотграммовые глоточки.
А рядом, в школе возле Точки,
Учились дочки и сыночки
Клиентов, тех, что в закуточке,
Как говорят, дошли до точки.
В приказе появились строчки
О ликвидации той Точки.
И Точка — на большом замочке...
Брожеиье началось в «Главточке»:
— Ведь план не терпит
проволочки...
— Куда с вином покатишь бочки?..
— Пусть лучше дочки и сыночки
Глядят, как «предки» в закуточке
Встают на все четыре точки.

И снова в розовом платочке
Завточкой льет до темной ночки
Двухсотграммовые глоточки...
В приказе появились строчки:
«Достигла прибыль высшей точки!»

Как видно, родилась в сорочке
Завточкой в розовом платочке...

г. Ленинград.

НА ВСЮ КАТУШКУ

В. ТИЛЬМАН, Е. ШАБЕЛЬНИК

Знаете ли вы, кто...

...просыпается в городе Свердловске раньше всех, а засыпает позднее всех?

Причем мы имеем в виду не одного какого-то чемпиона по бодрствованию, а целый дом со всеми его обитателями.

Так вот, ежеутренне в 5.30, в минуту наисладчайшего сна, громовой удар кулаком в дверь одной из квартир первого этажа мгновенно размыкает объятия Морфея, обрывает ленту сновидений, н чей-то хриплый голос, гулко разносящийся по всем этажам, рявкает:

— Диспетчер!.. А, черт, его еще нет на месте!

Город Свердловск будет еще долго дремать, досматривая интересные и поучительные сны, а дом № 179-в по улице 8 марта с этой минуты загомонит, как осажденная крепость, да так уже и не успокоится до 0.30 следующих суток — до того момента, пока последний громовой удар кулаком не ухнет в дверь на первом этаже и чей-то хриплый голос, отдавшись гулким эхом по всем этажам, не рявкнет:

— Диспетчер!.. А, черт, его уже нет на месте!

Не успокоится дом № 179-в ни на секунду оттого, что весь день с первого этажа будут доноситься топот, крики, перебранка, хохот, а также восклицания, не зафиксированные в толковых словарях. Именно таков рабочий ритм диспетчерского пункта конечной остановки автобусов, расположенной аккурат возле дома № 179-в.

Для того, чтобы выдвинуть этот дом в рекордсмены города по бодрствованию, хлопот потребовалось совсем немного: сломать будку, стоявшую на улице, и перевести диспетчера в одну из свободных квартир первого этажа.

В. АЛЕКСАНДРОВ

РЕКЛАМА И ЖИЗНЬ

Во всем виноват рекламный щит, разноцветно агитирующий прохожих что-нибудь отремонтировать в своих квартирах. Москвичка Машутикова была сагитирована им еще в ноябре прошлого года. Завороженная словами «высококачественно и в короткий срок», она оказалась в ремонтном участке № 7 треста Мосжилремонт, где оформила заказ на устройство паркетного пола в одной из своих комнат.

Не прошло и двадцати дней, как участок перебросил к ней материалы для сооружения цементной стяжки.

Не прошло и десяти дней, как пол оцементировали. Непрофессиональному глазу было видно, что пол имеет уклон — кухонный инструмент скалка самостоятельно катилась по нему.

Не прошло и недели, как привезли паркет, кривизна которого также определялась визуально.

Не прошло и пяти дней, как паркет увезли.

Не прошло и зимы, как приступили к выравниванию покрытия, но так и не выровняли. Паркет, наложенный на него, дышал под ногами, как зыбкая болотистая почва.

Прошла зима, и паркет разобрали.

Впереди были новые дни, недели, времена года...

Э. П.

Герой в дыре

Есть у нас в городе кинотеатр «Летний», такой ветхий да древний, что его бы заново отстроить, а в нем дорогой, широкий экран установили. Непогода, сырость, дожди, ветер. Дыр теперь в этом экране не сосчитать. И что получается: идет киногерой вдоль экрана и вдруг пропал. Начинаешь волноваться: а что если убили (по сценарию), ан нет — появляется снова! Просто в одну из дыр угодил. Вот так и переживаешь каждый раз, и кино вдвойне интересней становится. Тем более что, когда героя действительно убивают (по сценарию), все льстишь себя надеждой: а вдруг в дыру угодил. И опять же настроение поднимается...

В. СУСЛОВА

г. Гуково, Ростовской области.

На каком приятнее...

Странные картины наблюдаются последнее время в городе Ростове-на-Дону. Стоит, например, очередь у троллейбусной остановки, с ноги на ногу переминается, нервничает, как самая обыкновенная очередь. А вот и троллейбус подкатывает, причем, надо сказать, пустой троллейбус, всем посадочных мест хватит. Но почему-то никто из пассажиров не спешит садиться.

Кое-кто из впереди стоящих заглядывает в салон — и обратно в очередь.

— Некультурный? — спрашивают сзади стоящие. — Тогда пусть себе едет!

Троллейбус медленно и обиженно трогается дальше.

Приезжие удивляются: «В чем дело?»

— У нас в городе есть два вида транспорта, — объясняют им, — с культурным обслуживанием и без. Культурный легко определить: в салонах висят таблички «Бригада культурного обслуживания». Некультурный же транспорт — без табличек. Сами понимаете, на каком приятнее ездить!

В. К.

Рисунок А. ГРУНИНА

ЖЕЛАННОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Педагогика в отличие от математики — наука неточная: сколько педагогов, столько и рецептов.

Особенно много разногласий в вопросе о наказаниях. Придерживаться ли принципа «око за око, зуб за зуб», ограничиваться ли устным внушением, или жаловать виновника всепрощением?

В этой сумятице мнений совсем неслышно прозвучал голос учителей из 111-й школы Выборгского района города Ленинграда. Их ценный опыт до сих пор не стал достоянием общественности. А между тем это несправедливо.

Представляете себе, приходит ваш Сережа домой и заявляет:

— Папа, завтра и послезавтра я в школу не пойду. Дай мне денег на кино.

На что вы отвечаете с некоторым удивлением:

— У вас, по всей вероятности, внеочередные каникулы!

— Не-а,— говорит Сережка.— Меня, папа, исключили на два дня.

— То есть как? — начинаете беспокоиться вы.— За что?

— А я прогулял два урока.

— И теперь ты за это будешь гулять два дня! А если бы ты прогулял шесть уроков?

— Тогда я гулял бы неделю, как мой друг Витька. Вот счастливый!..

А. ХМЕЛЬНИЦКИЙ

г. Ленинград.

КАК БЫТЬ ЛЮБИМОЙ?

Очень трудно. Особенно трудно быть любимой в тех случаях, когда любящий посвящает тебе стихи. Например, такие:

«ЛЮБИМОЙ

Дыши, дыши,
моя любимая...
Дыши, дыши,
ни на минуту
не прерываясь, ни на миг,
чтоб я, дыханье
перепутав (?),
в твое дыхание проник.
Дыши, дыши
до самоупоенья,
меня дыханием маня.
Дыши легко
и вдохновенно
до упоения меня.
Дыши!»

С. БИРЮКОВ, газета «Комсомольское знамя» г. Тамбов.

Прочитав такое, хочется попросить: «Дыхни, дорогой, может, ты, часом, того?» Но ведь неудобно! Любит все-таки человек, хотя и стихи пишет. И, возможно, искренне любит, не то что автор другого, но, впрочем, одноименного стихотворения.

«ЛЮБИМОЙ

Не пришла ты,
и не нужно —
не ахти ты радость мне.
Не заманит в вечер
вьюжный
огонек в твоем окне.
За тебя себя ругаю,
а тебя кляну вдвойне.
Мне нужна сейчас
другая,
да вот нет дороги к ней...

В жизни радостей
не густо.
Ты не радость мне,
поверь!
...Без тебя на сердце
пусто.
Отвори, пожалуй, дверь».

А. ЛИСНЯК, газета «Горняк» г. Торез.

Вот и пойми его! То ли одумался, то ли считает, что раз нет лапушки по сердцу, авось, сойдет и эта...

Право, чем иметь таких любящих, уж лучше быть нелюбимой!

Н. М.

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ВЫВЕСКИ

Да не опустится на мою легкомысленную голову осуждающая палица, но меня умиляет очередь на такси. Забудем на минуту привередливость шофера, чаевые и искажения маршрута в угоду затяжной работе счетчика. Забудем! Отточим красный карандаш и смачно подчеркнем другое: в очереди стоят на равных заезжий представитель фабрики «Деревянный кедр», спешащий по делам родного предприятия, и красивая девушка Наталья, которой вздумалось вдруг посетить парикмахерскую на Фонтанной улице. Они равны — организация «Кедр» и красивая девушка, и если представитель вздумает достать свой твердокартонный мандат с целью продемонстрировать преимущественные права на транспорт, то даже двигатель таксомотора сдержанно чихнет от смеха.

Но не будем умиляться долговременно. Или вы не замечали взгляда, когда смотрят не на вас, а чуть дальше — на вывеску, которую вы представляете? Монументальней вывеска — мягче взгляд и ярче светится в нем трепетное уважение. Приветливей делается жизнь, когда топаешь по ней под эгидой полированной учрежденческой доски, а не сам по себе, не как некто в сером костюме, не как Кравченко Василий Александрович.

Служащий туркменского курорта Арчман Василий Александрович Кравченко прибыл в Ашхабад, в гараж управления бытового обслуживания, с целью заполучить на понедельник грузовик — для перевозки домашних вещей из Арчмана в Ашхабад, на железнодорожную станцию. Женщина в диспетчерской ела холодную баранину. Она переложила баранье ребро из правой руки в левую, черкнула на календаре несколько загадочных букв, а затем посоветовала гражданину сбегать к мебельному магазину.

— Там стоят наши машины. Какая понравится вам — постучите в кабину. О подробностях договоритесь с водителем.

Василий Александрович побежал. Машины у мебельного стояли. Все они нравились Василию Александровичу, но все они были пусты: шоферы охотились поодаль за клиентами. Кравченко, оглянувшись, постучал в кабину. На стук из-за угла вышел шофер Ханов в белой шапочке.

— Чего стучишь? Чего стучишь? — проговорил он, но, выслушав, согласно ткнул ногой в колесо и перешел к подробностям: — Сорок пять рублей.

«Много!» — ахнул Василий Александрович, однако мысленно, и поехал в Арчман упаковывать вещи.

У минерального источника, что славится высокими целебными качествами, Василий Александрович встретил главврача курорта, и тот разгневался.

— Почему,— сказал он,— вы не обратились за машиной к нам? Вы проработали у нас десять лет, отчего же вы считаете, что у нас короткая память? Вы получите машину у нас, а сорок пять рублей пусть подремлют в вашем кармане.

Тут бы растрогаться, тут бы пополнить источник солеными каплями, но было некогда. До отъезда оставалось около двух суток. Василий Александрович полетел на почту телеграфно отменять заказ.

Был май, и было прекрасное утро, когда Кравченко погрузил вещи в автомобиль курорта. Слева к дороге подкрадывались пески. Сзади выскочил неизвестный грузовик, прижал автомобиль курорта к обочине, а затем замер поперек шоссе. Из кабины высунулся шофер Ханов в белой шапочке. Удивленный Василий Александрович протянул ему квитанцию на телеграмму.

— Чего даешь? — возмутился Ханов.— Чего даешь?!

— Но ведь я отказался от машины вовремя.

— Чего говоришь? — возмутился Ханов. — Чего говоришь?! Перегружай вещи и плати сорок пять рублей, как договорились, или просто плати сорок пять рублей, не перегружая вещи, или будет Дадаев.

Ультиматум принят не был. Ханов хлопнул дверцей и укатил в столицу Ашхабад. Когда автомобиль курорта прибыл на контейнерную площадку, Ханов был уже там, но он стушевался, он был в тени и без белой шапочки, а рядом высился солидный мужчина. «Дадаев будет», — вспомнил Кравченко темные слова шофера.

— Я Дадаев,— сказал человек и махнул в воздухе твердокартонной книжицей, что олицетворяла, надо полагать, некую вывеску.— Начальник гаража.

— Я Кравченко,— сказал Кравченко и махнул в воздухе какой-то бумажкой. — Я своевременно отказался от машины. Почти за двое суток. Вот квитанция на телеграмму.

— Телеграмма пришла сегодня в одиннадцать. Машина выслана утром, организация понесла ущерб. Гоните тридцать рублей. За полный пробег, согласно тарифу.

— Тридцать? А он — сорок пять...— пробормотал Кравченко, полегкомыслев от возбуждения.

— Сорок пять? — Дадаев уважительно посмотрел на шофера Ханова.— Гоните сорок пять.

— Получи́те их с почты.

— Вы кто? — спросил Дадаев.— Вы Кравченко. Просто Кравченко в сером костюме, извините меня. А почта — организация. Ее за горло не возьмешь: ее закон охраняет. Или вы ставите себя на одну доску с организацией? У вас индивидуалистические замашки, товарищ!

— Меня тоже закон охраняет. Организация и индивидуум равны перед законом...

— Я те покажу закон! Не принимать у него багажа до моего особого распоряжения.

Работники контейнерной площадки видели Дадаева впервые, но в руках у него мелькала твердокартонная книжица, которая, надо полагать, кое-что олицетворяла. Некоторое время они смотрели на клиента тем самым взглядом, когда смотрят не на вас, а чуть дальше — на вывеску, которую вы представляете. За клиентом была пустота, никакой полированной доски. Работники контейнерной площадки сели на контейнер и стали читать в газете про футбол.

Кравченко бурлил, как близкий его сердцу целебный источник:

— Вы не имеете права! Он не ваш начальник, вы не должны подчиняться ему.

— Не начальник... Но он отстаивает интересы организации, а не свои собственные, как некоторые. Так что пардон.

— Но и попирать личность никто не имеет права!

Он бурлил еще долго и горячо, но в отличие от источника слова его не давали эффекта. Тогда Василий Александрович достал из кармана задремавшие было сорок пять рублей и положил их в белую шапочку шофера Ханова. Потом отправился на почту.

— Ну да,— сказала Полина Алексеевна Решетняк, ведающая доставкой телеграмм.— Десять часов. Это максимальный срок, в течение которого мы обязаны доставить телеграмму.

— Моя телеграмма шла сорок пять часов. Какую-то сотню километров.

— Ну да,— сказала Полина Алексеевна,— сорок пять. Но текст телеграммы был искажен. Мы посылали запрос.

— А я здесь при чем? К тому же вы находитесь на одной улице с гаражом. Могли доставить телеграмму вечером, ночью.

— Ну да,— сказала Полина Алексеевна,— могли бы.— Но так уж получилось. Впрочем, мы можем вернуть вам стоимость телеграммы.

— Полтинник-то? Но если я разобью у вас стекло, с меня взыщут за все стекло, а не за осколок.

— Ну да,— сказала Полина Алексеевна,— за все. Но зачем сравнивать? Вы частное лицо, а мы предприятие, и у нас есть устав.

Василий Александрович вышел на воздух. От разогретого асфальта подымались горячие струи. Они искажали вывески — монументальные и не очень, и те ухмылялись и подмигивали человеку. «Юридическая консультация», — прочел Кравченко на одной из них и вошел в здание шагом, в котором звенела надежда.

Наружу он вышел с заявлением в суд и бумажкой, которая любезно просила, выдать на руки подателя сего копию телеграммы.

— Только по решению суда или прокурора,— ответили на почтамте, бегло взглянув на посетителя тем взглядом, когда смотрят не на вас, а чуть дальше. Дальше, как вы знаете, была пустота — просто некто в сером костюме... Но он, некто, набрался дерзости и попросил показать ему инструкцию.

— Сейчас это невозможно. Сейчас коллектив погружен в работу.

...Спустя несколько месяцев я повторил ту же просьбу начальнику почтамта Кесикову.

— Отчего,— поинтересовался я,— отправитель не может получить на руки копию своей же телеграммы? Я могу видеть соответствующий пункт устава?

Начальник посмотрел в мою сторону взглядом, излучающим уважение, не на меня — на редакционную вывеску, что отдаленно маячила за моей заурядной спиной.

— Еще бы! — воскликнул он и с виртуозностью Святослава Рихтера нажал все клавиши своего телефонного аппарата. Коллектив ошеломленно погрузился в шелест страниц.

— Ну что вы,— засовестился я. — Я подожду.

Но пункт уже был отыскан — пункт «б» статьи 63 Устава связи. «Отправитель имеет право получить засвидетельствованную копию телеграммы в течение трех месяцев со дня подачи».

Человек без вывески за спиной явился на почтамт, помните вы, через два дня после подачи телеграммы. Не получив копии, он отправил заявление в суд без нее. Старший судья Сарыев поводил по заявлению указательным пальцем и сунул его в папку, которой уже много лет, но голубые тесемки которой хранят тем не менее свою первозданную свежесть. Двадцать дней отмерено законом на подобные дела, но вот отцвели и созрели дыни, в молодое вино превратился виноград текущего года, а заявление нетленно лежало в папке с голубыми тесемками. Потом позвонил Кравченко и проинформировал старшего судью, что минуло, слава богу, четыре месяца.

— Как, однако, летит время! — удивился старший судья и, достав заявление из нетленной папки, передал его просто судье Ивлеву.

Просто судья Ивлев поводил по заявлению указательным пальцем и положил его в другую нетленную папку, но уже ненадолго, потому что истец Кравченко стал проявлять дотошность. Отпросившись с работы, он самозванно предстал перед вершителем правосудия.

Николай Данилович Ивлев посмотрел на гражданина опытным взглядом — не на него, чуть дальше.

— А ведь вы, нетерпеливый вы человек, не получите свои деньги. Есть у меня такое предчувствие. Гараж машину послал? Послал. Почему же предприятие должно нести ущерб? А с почты что возьмешь? Вот вам ваша квитанция, переверните ее и прочитайте на обороте лаконичный текст: почта несет ответственность за отправления в течение трех месяцев. А прошло сколько? Полгода? Ну, хорошо, хорошо, не лезьте в карман за валидолом, я знаю, что вы хотите сказать. Вы хотите сказать, что заявление пролежало эти полгода у нас. Ждите, мы вызовем вас повесткой.

Повестка пришла — долгожданная, как первая ласточка. Василий Александрович снова отпросился с работы, снова купил автобусный билет за два рубля и отправился в Ашхабад — вдоль песков, которые, помните, надвигались на шоссе слева.

— А ответчик не явился,— весело сказала секретарь суда.— Так что прибыли вы напрасно.

— Как не явился? Но ведь вы послали повестку?

— Послали, а они не явились. Заняты, наверное.

— Тогда рассматривайте дело без них. Есть ведь такое положение?

— Есть такое положение,— сказала секретарь, потому что секретарь была квалифицированной.— Но ведь это не частное лицо, это предприятие, коллектив. Интересы коллектива превыше всего. Ждите, мы вызовем вас повесткой.

Человек без вывески купил билет за два рубля и отправился домой — вдоль песков, которые тянулись на сей раз справа.

Повестка пришла — долгожданная, как вторая ласточка, вместо той, первой, что пролетела мимо. Василий Александрович отпросился с работы, взял автобусный билет за два рубля и отправился в Ашхабад — мимо песков, которые опять тянулись слева. Близилась весна...

— А ответчик не явился,— весело сказала секретарь суда.— Так что прибыли вы напрасно.

На этом этапе истец Кравченко издал крик души — письменный, на четырех страницах. Он адресовал его в «Крокодил», а копию крика — в Министерство юстиции Туркмении.

В министерстве папки с неувядающими завязками, по-видимому, не имеется. Реакция была быстрой, как среднеазиатская весна. Суд грянул. Предчувствие, однако, не обмануло судью Ивлева. Гараж машину посылал? Посылал. Почему же должно страдать предприятие? Предприятие не должно страдать. А с почты что возьмешь? Переверните квитанцию и прочитайте на обороте лаконичный текст.

Было безвыходно и было темно, но потемки осветились вдруг радостной молнией: обнаружилось, что с Кравченко причиталось за перевозку вещей не сорок пять рублей, а всего десять. Эти-то лишние тридцать пять рублей суд с ликованием и возвратил человеку без вывески.

Заиграли фанфары. Ах, какие фанфары заиграли в поголубевшем от умиления небе!..

г. Ашхабад.

— Прикурить у вас есть?
— Пожалуйста...

Рисунок
Е. ЩЕГЛОВА

СГОРЕЛ НА РАБОТЕ

Поначалу маляр Хлюстов не сгорел, а только обгорел, и не на работе, а на досуге.

Он случайно заметил пожар в деревянном доме. Там в дыму кричал мальчишка, который с перепугу никак не мог открыть дверь. Тогда Хлюстов высадил раму, вытащил мальчишку и до приезда пожарных выкидывал вон из дома различные печки-лавочки.

Пожарные приехали, он и ушел. В больницу ушел, потому что руки у него порезаны были и обожжены. Потом три дня на бюллетене находился.

Ну, а потом уж и на работу вышел, в свое СМУ-6 «Сибакадемстроя». Больничный лист принес.

— Ну, и зря! — очень понятно сказал ему инженер по технике безопасности Зубарев.— Объект, который вы тушили, непроизводственный — раз. Время для тушения вы избрали нерабочее — два. Вот мы и не обязаны оплачивать вашу бытовую травму.

Попытался Хлюстов с председателем постройкома Сутугиной поговорить, но еще больше обжегся.

— Вот вам стул,— деловито сказала председатель постройкома,— садитесь и пишите объяснительную, а там посмотрим, какую меру наказания определить за этот ваш прогул.

И Хлюстова понесло по инстанциям.

В пожарной части ему выдали справку, в которой горячо благодарили за решительность.

А больничный в СМУ все не оплачивали.

Юрисконсульт растолковал ему, по какой статье он должен получить свои деньги.

А деньги все не давали.

Потом к словам юрисконсульта присоединился прокурор.

Без толку.

Тогда за дело взялся начальник пожарной части Колесов. Звонил главному инженеру СМУ-6 Сергееву, звонил главбуху Ханженкову, звонил до тех пор, пока не убедил их в том, что больничный лист Хлюстова достоин оплаты.

Убедить убедил, а деньги Хлюстову опять не дают. Еще и подшучивают.

— Что ты,— улыбаются,— на пожар спешишь?

Хлюстов шутки не понял...

И хотя справедливость через некоторое время восторжествовала, торжествовала она уже с прохладцей. Получил маляр Хлюстов деньги по больничному листу и гневно уволился из СМУ-6 по собственному горячему нежеланию иметь больше дело с тамошним административно - управленческим аппаратом.

Е. М.

МИМОХОДОМ

Хотел перейти Рубикон, но оказалось, что поблизости нет моста.

Иногда поднимают на щит, чтобы затем уронить.

В. ВЛАДИМИРОВ

Непонятно, зачем современные архитекторы изучают такое множество стилей, если пользуются только одним.

Ц. МЕЛАМЕД

Часы остановились. Это была минутная слабость.

Рожденный ползать! Не пресмыкайся хотя бы.

О. ПОПОВ, Г. КОСТОВЕЦКИЙ

Чужая беда никогда не застает нас врасплох.

Подтексту требуется хороший текст.

Оптимисты тоже люди, и ничто пессимистическое им не чуждо.

В. КОНЯХИН

Цитата была слабенькая, но ее поддерживали кавычки.

Г. ЕЛИСЕЕВА

Какую работу вели атеисты, одному богу известно.

С нашим председателем каши не сваришь: не хочет сеять ни гречихи, ни проса.

В. СМИРНОВ

АМЕРИКАНСКИЙ СНАРЯД В ИНДОКИТАЕ

Рисунок И. СМИРНОВА

З. ЮРЬЕВ

ЖУЛЬНИЧЕСТВО ВЕКА

В этой истории было все, о чем только может мечтать в долгие зимние вечера владелец телевизионной студии или главный редактор газеты. В ней было все, что хоть ненадолго могло отвлечь американцев от зимней слякоти, безработицы и растущих цен. В ней были сложнейшие комбинации, писатель-авантюрист, любовь и ревность, чеки на швейцарские банки с волнующими цепочками нулей, полубезумный миллиардер-анахорет, пресс-конференции по радио, посрамленные эксперты и запоздалая рука правосудия...

* * *

Некоторое время тому назад в солидное издательство Мак-Гроу-Хилл явился писатель Клиффорд Ирвинг, уселся, не дожидаясь приглашения, перед главным редактором, неторопливо закурил и сказал, что Ховард Хьюз предложил ему написать о себе книжку. Редакторское сердце дрогнуло, и редакторские щеки запылали. Ховард Хьюз! Самый богатый и самый загадочный гражданин США, человек, которого никто не видел больше десяти лет, миллиардер, который путешествует в ящике (именно так, по слухам, он сумел незаметно покинуть отель в Лас-Вегасе).

— Да,— сказал редактор, стараясь, чтобы голос его не дрогнул,— но ведь...

— А, вы про это! — небрежно пробормотал писатель, стряхивая пепел прямо на редакторский ковер.— Вот, пожалуйста.

Он протянул редактору письмо, в котором Ховард Хьюз собственноручно благодарил писателя за присланную книгу под названием «Подделка!» — о художнике-специалисте по подделкам Эльмире де Ори — и предлагал, чтобы Клиффорд Ирвинг написал теперь его, Хьюза, биографию, для чего он, Хьюз, может встретиться с писателем и за несколько интервью рассказать свою жизнь.

— Аванса мне не нужно,— сказал Клиффорд Ирвинг,— я хотел лишь узнать, заинтересует ли вас такая книжка.

— Заинтересует? Да вы... да понимаете ли вы... да как вы можете!..— Лицо редактора побагровело, а щеки заколыхались тюленьими ластами.— Немедленно! Бегите, скачите, ползите, интервьюируйте и пишите! Аванс...

— Аванса не нужно,— пожал плечами писатель.— Когда я принесу рукопись с визой Хьюза, тогда поговорим о гонораре...

— Быстрее, быстрее,— замахал руками редактор. Мысленным взором он уже видел тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы книжек с двумя словами на обложке: «Ховард Хьюз». Ну, скажем, три миллиона экземпляров. На круг по доллару с каждого... Боже, дай силы дожить...

Через несколько дней Ирвинг позвонил из Флориды. Да, он уже виделся с мистером Хьюзом. В небольшом мотеле. Да, да, уже работает... Как Хьюз выглядит? Постарел, конечно, но, в общем, здоров.

Следующее интервью было в Мексике. Ирвинг звонил оттуда и любезно информировал, как проходят беседы с Хьюзом. Люди Хьюза сами подготавливали встречу, потом появлялся миллиардер, рассказывал о своей жизни. Пленка с записью интервью оставалась у писателя на сутки, пока он собственноручно перепечатывал его, потом люди Хьюза забирали пленку. Возбуждение в издательстве все усиливалось. Клиффорд Ирвинг сообщал, что работа подходит к концу, и приложил несколько записок и писем, полученных им от Хьюза.

Наконец Ирвинг появился и сам. В кабинете главного редактора собралось все руководство издательства.

Отталкивая друг друга локтями, джентльмены набросились на рукопись. В воздух полетели листки.

— Это он, подлинный Хьюз,— сладострастно застонал старший редактор.— Я узнаю его стиль, да и такие подробности...

— Смотрите, смотрите,— взвизгнул вице-президент.— Вот пометка на полях, сделанная рукой Хьюза!

— Успокойтесь, господа, мы с вами не на бирже. Ценность этих бумажек может только возрасти,— спокойно улыбнулся писатель.— Не спешите, прочтите рукопись внимательно, пусть эксперты-графологи изучат почерк мистера Хьюза. Если у вас не возникнет никаких сомнений, выпишите чек на имя Хьюза на банк в Цюрихе, в Швейцарии. Мистер Хьюз хочет получить за эту книгу всего шестьсот пятьдесят тысяч долларов.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ С ХОВАРДОМ ХЬЮЗОМ. ВМЕСТО МИЛЛИАРДЕРА ПЕРЕД ЖУРНАЛИСТАМИ ДИНАМИК.

Через несколько дней после того, как все эксперты пришли к единодушному мнению, что рукопись не может быть подделкой, а почерк Ховарда Хьюза в письмах, заметках и визе графологи определили как безусловно почерк Ховарда Хьюза, издательство официально объявило о скором выходе книги. К нему присоединился и журнал «Лайф», отваливший за право напечатать несколько глав из книги четверть миллиона долларов.

И вдруг представители мистера Хьюза заявили, что Ховард Хьюз никакого Клиффорда Ирвинга не знает, писем ему не писал, ни в каких мотелях с ним не встречался и встречаться не намерен. Большая группа журналистов была приглашена в отель на пресс-конференцию, которую решил дать им миллиардер-невидимка.

Когда все собрались, представитель фирмы «Хьюз тул» сказал:

— Ну что ж, начнем, пожалуй...

— Позвольте,— изумился кто-то из журналистов,— а где же мистер Хьюз?

— Гм... мистер Хьюз находится сейчас в ином месте и будет беседовать с вами по радио. Перед каждым из вас микрофон. Можете задавать вопросы, и вы услышите голос мистера Хьюза из этого динамика...

Да, подтвердил дрожащий старческий голос, никакого Клиффорда Ирвинга он не знает, никакой книги не читал и читать не собирается.

Клиффорд Ирвинг лишь загадочно улыбался и пожимал плечами. Ну, конечно же, эксцентрики всегда остаются эксцентриками. То ли передумал миллионер-схимник, то ли вообще это не его голос звучал на пресс-конференции...

Повизгивая от возбуждения, журналисты бросились в Швейцарию, куда были переведены деньги.

— Вообще этого не полагается делать,— сухо сказал банковский чиновник,— но если джентльмены так настаивают... Вот, пожалуйста, чек. Вот роспись — Х. Хьюз. Выплачено по чеку шестьсот пятьдесят тысяч долларов.

— Ска-а-жите,— заикаясь от волнения, спросил один из журналистов,— а к-к-как он выглядел? Он очень постарел?

— Почему он? — изумился чиновник.— Во-первых, не он, а она, блондинка, а во-вторых, она выглядела совсем недурно, когда предъявила швейцарский паспорт на имя Хелены Хьюз, Х. Хьюз.

Маленький островок Ибиза недалеко от берегов Испании, где жил со своей женой Клиффорд Ирвинг, подвергся массированному журналистскому налету. Журналисты высаживались с моря и воздуха и короткими перебежками двигались к дому Ирвингов. Эдит Ирвинг, улыбаясь, извинялась, что не может принять джентльменов как следует: понимаете, муж в Нью-Йорке.

— А почему вы так пристально смотрите на мои волосы? — кокетливо спрашивала она посетителей.

— О, мы обожаем блондинок! — кричали журналисты и щелкали затворами.

Снова специально зафрахтованные реактивные лайнеры круто взмывали вверх и так же круто заходили на посадку на цюрихский аэродром.

— Она,— кивнул чиновник в банке, увидев фотографии.— Я ж вам говорил, что она выглядит недурно.

Тем временем на сцене появилась некая певица Нина ван Палландт. Возможно, она и не собиралась ничего говорить, но при мысли о многомиллионной аудитории инстинкт артистки вытолкнул ее к камерам телевидения как реактивный ускоритель. Да, она любовница Клиффорда Ирвинга. Да, это с ней он ездил во Флориду и Мексику, где якобы встречался с Хьюзом. Но не встречался, ибо не мог оторваться от нее ни на минуту...

Тяжело вздохнув, сонно зашевелилось американское правосудие и не спеша предъявило Ирвингу обвинение в мошенничестве. Ведь он, слава богу, не коммунист, не противник войны во Вьетнаме, не негритянский борец за равноправие, а честный, порядочный, патриотически настроенный жулик. Не торопясь, как подобает джентльменам, стороны вели переговоры. Ирвинг согласился признать себя виновным и даже побыть немножко в тюрьме, если срок будет не слишком большим и если американские власти договорятся с швейцарскими, чтобы те не возбуждали дела против его супруги Эдит.

Тюрьма Ирвинга не пугала, поскольку все равно надо было садиться работать, а где же лучше писать, как не в тюремной камере? Ведь издатели наперебой предлагают ему баснословные суммы, чтобы он написал о жульничестве века, как называют дело Ирвинга. Надо садиться и писать. Ведь предстоит еще рассказать о том, как его знакомые сняли тайно копию с неопубликованных мемуаров бывшего помощника Хьюза, как подделывали почерк миллиардера, да мало ли о чем еще можно рассказать, когда твоя слава затмила всех, а сообщения о тебе передаются раньше сообщений об очередном скандале в Голливуде.

* * *

Последним местом пребывания настоящего Ховарда Хьюза были Багамские острова. Когда судебные чиновники из Нью-Йорка попытались вручить миллиардеру вызов в суд в качестве свидетеля, он просто-напросто исчез. Исчез из отеля «Британия Бич», где занимал целый этаж. Он исчез, а самолеты еще несколько дней вывозили миллиардеровы манатки.

Потом стало известно, что недалеко от Майами был зафрахтован реактивный самолет «Локхид». Экипажу приказали выйти из него, пока места не заняли шесть пассажиров. После чего экипажу разрешили вернуться и взлететь, но категорически запретили выходить из пилотской кабины.

Самолет взлетел и взял курс на Манагуа, столицу Никарагуа. В тот же день было объявлено, что Ховард Хьюз избрал местом пребывания восьмой этаж отеля «Интерконтиненталь», где снова герметически изолировался от внешнего мира.

Это была история, о которой можно было только мечтать в зимние слякотные дни, когда так хотелось отвлечься от бесконечных сообщений о безработице и растущих ценах...

ВИОР

острова в розницу...

Вы удивлены, читатель? Может быть, для вас это скромное сообщение звучит непривычно?

Между тем в нем нет ничего странного.

В мире, где продаются редакции газет, сиамские кошки, бегуны на длинные и короткие дистанции, пароходы, глаза, промышленные фирмы, коллекции мундштуков, ядовитые змеи, кофейные плантации, пехотные подразделения и кабинеты министров, почему бы не торговать островами?

Итак, торговали островами.

Событие это не привлекло особого внимания. У входа в торговое помещение не было полицейских патрулей и телевизионных «тонвагенов». Не было также пикетов, драк и студенческих выступлений. Однако публики внутри было достаточно, и в зале стоял напряженный слитный шум, какой бывает при дожде, на стадионе и в бане.

— Островами торговать — уметь надо,— поучал окружающих старый маклер.— Остров — не говорящий попугай, он сам за себя не скажет. Стало быть, нужно его подать. Так, чтобы клиент понял, что купил не старый, потрескавный риф, не мель, не банку, не, упаси господи, полуостров, а самый что ни на есть натуральный остров. Надежный, как «мерседес», и перспективный, как пивная в Лас-Вегасе.

— Не скажите...— возразил худой детина с лиловыми глазами неудачника.— В нем может оказаться карстовая пещера.

— Ну и что?

— Ну и вступит хозяин на этот остров и тут же — рраз! Провалится.

— Ну и что?

— Задаток уйдет на спасательные работы или похороны.

— Ерунда, все ерунда...— пробормотал кто-то осведомленный.— В острове, как и в скотч-терьере, важно что? Растительность.

— Не скажите. Мой босс на днях купил островок — не пройти, не проползти, ну и что? Катается вокруг на яхте, а высадиться не может. А у греческого миллиардера Ставроса Ниаркоса есть остров Спетсопула — может, слышали? — так, ничего себе, лысоватый, как башка хозяина, а зато какая фазанья охота! Сам Аристотель Онассис завидует!

— Ну, у Аристотеля островишко Скорпиос тоже ничего себе...

— Ничего-то ничего, а все равно завидует. Говорят, подкатывался к Ставросу. Но тот не дурак. Говорит, давай так на так. Ты мне свою Жаклин — я тебе свою Спетсопулу.

— А зачем ему Жаклин?

— А зачем ему остров?

— Господа, господа, не отвлекайтесь! Вон, пока мы шумели, один жук толкнул островок в пятьдесят акров за миллион долларов!

— Не может быть!

— Безобразие!

Зал загудел. Элегантный господин вынул смит-вессон и два раза стрельнул в воздух. Все затихли.

— Это ждет каждого,— сказал элегантный господин,— кто будет взвинчивать цены на острова на нашем рынке. Поясняю: наши цены от ста тысяч за сорок пять акров до трех с половиной миллионов за четыре с половиной тысячи акров. Точка. Подходите и оформляйтесь. Надеюсь, вы все, господа, читали в газете «Интернейшнл геральд трибюн» сообщение о том, что «греческое правительство собирается в скором времени предложить на продажу несколько сотен островов, которые ему трудно держать под своим контролем и к которым подбираются «незаконные владельцы и мошенники».

— Читали, читали,— загомонили покупатели.— Затем и пожаловали.

К прилавку подошел покупатель, лоснящийся брюнет.

— Мой шеф — греческий генерал Гривас, хочет купить остров Кипр. Заверните!

— Куда махнул! — удивился кто-то в зале.

— Постойте, постойте. Начнем с того, что Кипр не принадлежит Греции. Кроме того, мы же торгуем необитаемыми островами, а Кипр в некотором роде... обитаемый...

— Ну и что? Генерал Гривас — такой человек, что из любого обитаемого острова сделает необитаемый.

— А все-таки... зачем ему обитаемый?

— Н-ну... как вам объяснить? Во-первых, он не Робинзон Крузо, чтобы интересоваться необитаемыми островами. Во-вторых, у него хобби. У вас есть хобби?

— Есть...— ответил аукционер и покраснел.

— Хорошо, хорошо. Можете не объяснять. А у генерала Гриваса хобби — энозис. Хочет человек присоединить Кипр к Греции — и все тут.

— А Кипр хочет?

— А Кипр не хочет.

— Вот незадача... Выходит, Кипр не покупается?

— Хуже. Выходит, Кипр не продается.

Помолчали. Потом кто-то вздохнул.

— Беда с этими обитаемыми островами... Вон англичане как влипли с Ирландией.

— Не говорите! — прошептал кто-то перевязанный, в форме английской армии.— Я только оттуда. Шагу ступить нельзя.

— Это почему?

— Температура неподходящая. Горячо, прямо скажем...

— Неужели вулканы?

— Да нет... люди.

— Какие люди?

— Просто люди. Население.

В зале наступило грустное молчание.

— Люди в нашем деле — самое, можно сказать, тяжелое обстоятельство,— проворчал старый маклер.— На Окинаве — люди. На Мальте — люди...

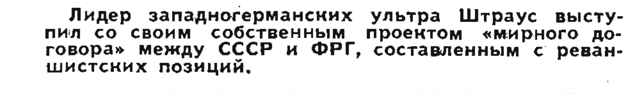
— А на Кубе? — вспомнил кто-то, поежившись.— Еще какие люди!

— Ладно господа, ничего не поделаешь. Возвратимся к нашим необитаемым островам.

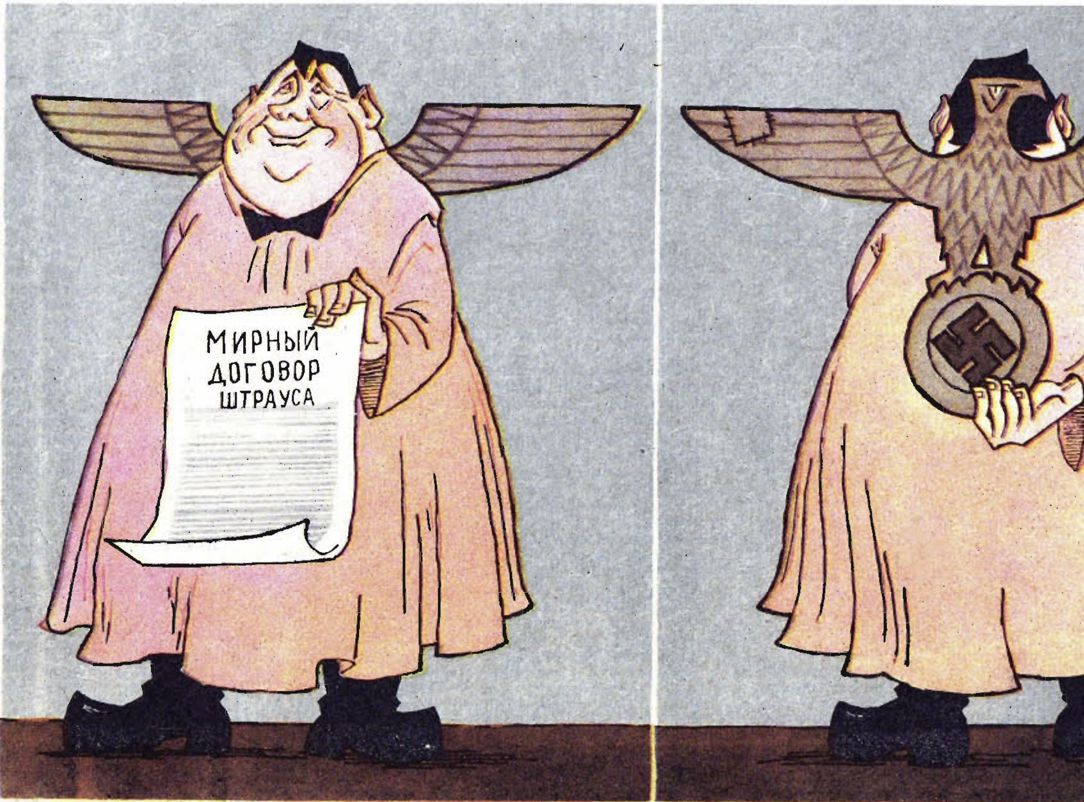
Но возвращаться уже не хотелось. Энтузиазм спал. Глаза потухли.

Кто-то купил островок в полторы сотни акров с водопадом и голубятней для своей любовницы. Кто-то рванул за сходную цену совсем уже крохотный пятачок для разведения цветной капусты и артишоков. Дело не шло.

Скоро помещение опустело. Уборщики выметали обрывки газет и банки из-под консервированного пива.

Лидер западногерманских ультра Штраус выступил со своим собственным проектом «мирного договора» между СССР и ФРГ, составленным с реваншистских позиций.

АНГЕЛ МИРА ИЗ МЮНХЕНА

Рисунок М. АБРАМОВА

Кстати говоря...

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Прочитал я в твоем 32-м номере за прошлый год заметку «Перещеголяли». В ней сообщалось, что в поселке Мучкапский на Тамбовщине с 1967 года строится здание типографии. Этим нас не удивишь. В городе Ялуторовске, Тюменской области, девятый год возводится котельная для комбината промышленных предприятий. Стройка заморожена. По слухам, строители (СУ № 22) решили дотянуть до десятилетнего юбилея стройки...

А вот десятилетие строительства колбасного цеха на мясокомбинате отмечено еще в 1969 году. Последние три года здесь трудятся рабочие тюменского участка Ишимской передвижной механизированной колонны. Колонна-то механизированная, а механизмов на участке — всего одна растворомешалка.

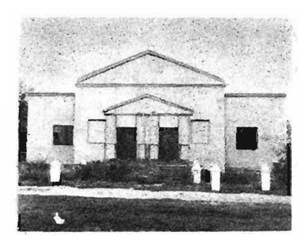
Как видите, строителей Тамбовщины мы перещеголяли!

Г. КОМАРОВ

г. Ялуторовск, Тюменской области.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Если уж речь зашла о том, кто кого перещеголял, то взгляните на эту фотографию.

Здесь запечатлен Дом культуры, который строится на моей родине, где я недавно побывал (пос. Садовое, Аннинского района, Воронежской области), шестнадцатый год. Первый камень был заложен еще в 1956 году. Вот и суди теперь, кто истинный победитель.

В. НЕКЛЮДОВ

Новосибирская область.

От редакции. Итак, на первое место в импровизированном конкурсе по затяжному строительству вышли воронежские строители. Найдутся ли у них достойные соперники?

Доверительные строки

г. Пермь, Х-ну С., автору четверостишия:

Всего лишь двести грамм мне масла свесила,
А мне понравился уж профиль обаятельный.
Приду, на хлеб намажу и съем весело
И вспомню нашу встречу обязательно.

Намазывая обаятельный профиль на хлеб, помните закон падающего бутерброда. Следите, чтобы хлеб не упал профилем вниз и не нарушил его обаятельности.

г. Запорожье, П-ну Н., воскликнувшему и вопросившему:

О, солнце! Распусти все почки
И вскипяти всю нашу кровь,
Анализ мы без проволочки
На кровь сдадим.
Где ты — любовь?

Выкипела, должно быть.

Реплики фельетонисту

СТИХОТВОРНЫЙ ФЕЛЬЕТОН ВЛАДИМИРА АЛЕКСЕЕВА «ЧТО ДОРОЖЕ!»

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Очень задели меня стихи Владимира Алексеева о грубом и бесцеремонном обращении с покупателями в магазинах самообслуживания. Город наш молодой и красивый. Есть у нас и свой Дом обуви на улице Грибоедова. Так вот, меня еще никто никогда так не оскорблял, как это сделали в Доме обуви.

Пришли мы с женой сюда присмотреть обувь, однако ничего подходящего не нашли и повернули назад. Когда стали приближаться к выходу, нас нагнала продавщица и потребовала открыть сумку, которую я держал в руках. Я отказался, и тогда продавщица схватила меня за руки, а потом стала толкать.

Я попытался протестовать, но продавщица во всеуслышание заявила: мол, вполне возможно, что у меня в сумке краденая обувь.

Собралась большая толпа, на нас с женой уже смотрели, как на пойманных воров, вызвали милицию...

Расстроенные, мы вернулись домой. Вечером, разговорившись с навестившим меня другом — горьковским журналистом В. Косаревым, — я узнал, что год назад с ним и его женой в нашем же Доме обуви случилась история еще более неприятная. Их тоже заподозрили в воровстве, когда они пришли поменять купленные накануне туфли. «Вы украли их с прилавка!» — заорали на супругов. И если я провел в качестве подозреваемого какой-то час, то мои друзья сидели там до закрытия, пока не сняли кассу и не подсчитали деньги. К счастью, недостачи не оказалось...

Мой друг хотел меня утешить, поведав об этом, но легче мне от этой истории не стало. Наоборот. Посуди сам, дорогой Крокодил, целый год прошел, а в Доме обуви те же негодные порядки, и покупатель часто вместо новеньких ботинок или туфель выносит оттуда одну лишь незаслуженную обиду!

В. СИДОРИН,
редактор многотиражной газеты «На стройке».

г. Дзержинск, Горьковской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Спаси нас, вологодских покупательниц, от чрезмерной «заботы» руководства и продавцов магазина «Северянин», которые ведут себя похлестче тех своих коллег, о которых написал поэт Владимир Алексеев. При выходе из отдела женской обуви нас бесцеремонно обыскивают. Открывают сумки, развертывают газеты, свертки. Покупатели возмущаются, но на работников магазина ничего не действует. Вот и думаем: как быть? Туфли нужны, а идти в магазин и страшно и противно...

Татьяна **МИЛЮКОВА**

г. Вологда.

НЕофициальный отдел

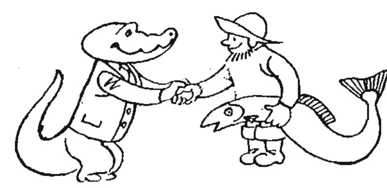
На балтийской волне

Когда первый помощник капитана рыболовного траулера «Тургенев» Л. Ф. Соболев сошел со своего судна на пирс, то он обнаружил, что обстановка в порту заметно изменилась. Освободившиеся от вахты рыбаки, миновав проходную, устремлялись почему-то не к автобусной остановке, а к управлению порта.

— Что случилось? — спросил он пробегавшего мимо салажонка.

— Крокодила затралили! — ответил тот на бегу и еще проворнее засверкал пятками.

Но когда помощник капитана поднялся в конференц-зал управления, то все выяснилось. Оказалось, что никто Крокодила не тралил, а он сам вполне добровольно вынырнул из балтийских вод и теперь, отряхнув соленые морские капли, отчитывается перед читателями-рыбаками.

Читательскую конференцию открыла секретарь Калининградского горкома КПСС А. С. Григорьева. Крокодильцы рассказали о 50-летней истории журнала, познакомили читателей с его планами, показали небольшую выставку рисунков.

Как и следовало ожидать, в выступлениях читателей содержались не столько поздравления, сколько наставления. Ораторы желали журналу большей остроты и глубины в его фельетонах и карикатурах.

— Как-то корреспондент Крокодила написал, что он почувствовал в нашем порту запах рыбы и соли,— сказал судовой механик Ю. М. Ган.— Это и не мудрено: порт-то рыбный! А вот мы хотим, чтобы запах добываемой нами рыбы сильнее чувствовался в магазинах. И в калининградских и в магазинах других городов.

— Да,— поддержал механика выступивший затем Л. Ф. Соболев,— сатирик обязан вникать в суть явлений, а не скользить по поверхности. Не секрет, что мы иногда ради благополучных цифр перегоняем хорошую рыбу на муку. Но показатели нашей работы должны быть на столе потребителя, а не в сводках, какими бы красивыми они ни были.

Выступали работники местной печати, моряки с траулеров и других судов обтекаемой формы, чтобы покритиковать журнал в соответствующих случаю необтекаемых выражениях. А Крокодил принимал критику к сведению и руководству.

Затем встреча была продолжена на транспортном рефрижераторе «Финский залив», который возвышался над пирсом, как десятиэтажный дом. Лифта, правда, не было, и пришлось взбираться на корабль по зыбкому трапу. Зато на самом судне все системы жизнеобеспечения действовали отлично, и капитану-директору Е. И. Мухину нельзя было предъявить абсолютно никаких претензий. В память о посещении Крокодил оставил на борту судна комплект книжек своей библиотеки за 1971 год.

Со своими читателями Крокодил встречался потом еще не раз. На страницах «Калининградской правды» и «Маяка» — газеты калининградских рыбаков, в городе Янтарном на комбинате, где добывают и обрабатывают янтарь, в замечательной здравнице г. Светлогорске. Выступил Крокодил и перед своими коллегами — журналистами. Под заботливым руководством зам. председателя горсовета Т. Н. Бубновой крокодильцы осмотрели быстрорастущий и бурно строящийся Калининград, побывали на местах исторических сражений времен Великой Отечественной войны.

В последний день пребывания крокодильцев в городе состоялась беседа с первым секретарем Калининградского обкома КПСС товарищем Н. С. Коноваловым.

Рассказывает Валентин Катаев

Спешим известить читателей, что хроника культурной жизни обогатилась важным событием: в число многих тысяч действующих клубов вошел новый крокодильский клуб «Ча-ча» (чашка чаю). Несмотря на молодость, клуб уже располагает собственной эмблемой, столами и утварью для чаепития, самоваром и, разумеется, почетным президентом.

На очередном заседании клуба состоялась встреча сотрудников и авторов журнала с Валентином Петровичем Катаевым.

Писатель поделился воспоминаниями о «Крокодиле» двадцатых—тридцатых годов, о литературной жизни Москвы тех лет, о писателях, поэтах, карикатуристах-крокодильцах. Имена Демьяна Бедного, Юрия Олеши, Михаила Зощенко, Аркадия Бухова, Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Алексея Радакова и других неразрывно связаны с историей журнала. Колоритные фигуры этих корифеев сатиры обрели новые живые черты и краски в рассказе Валентина Катаева. Участники встречи — представители молодого поколения крокодильцев с искренним интересом выслушали этот рассказ и пожелали ветерану журнала новых больших творческих успехов.

И. ЧЕРВЯКОВ

СВОЯ ЛОГИКА

Рассказ

Тут у меня один знакомец появился. Ягнятко его фамилия. У меня, говорит, своя логика в жизни. Кому нравится, кому нет, а мне она помогает любые потрясения, любые невзгоды переносить с наименьшим ущербом для здоровья.

Вчера решил с этим Ягнятко по одному делу встретиться. Подкараулил его в магазине. Он мясо покупал. Продавец швырнул кусок на весы и, прежде чем стрелка весов успела прийти в движение, назвал цену: два рубля двадцать копеек. Ягнятко пошел к кассе. Я взвесил покупку на контрольных весах и убедился, что мяса там ровно на два рубля.

— Вас обсчитали на двадцать копеек,— сообщил я,— надо потребовать жалобную книгу.

Ягнятко усмехнулся.

— Пустое. Много вы знаете примеров, когда бы запись в жалобной книге что-то меняла? Не припомните? То-то! Нет, я поступаю иначе. Вбиваю себе в голову, будто государственная цена купленного мной мяса не два рубля, а два двадцать. Кошки с души долой! Скрипки запели! Не было того омерзительного приказчичьего надувательства, когда тебя объегоривают и еще про себя болваном обзывают. Не бы-ло! Разве это «не было» не стоит двугривенного?

— Со злом надо бороться.

— Я не умею,— обезоруживающе признался Ягнятко.— Вот и с квартирой у меня...

— А что?

— Двенадцать лет первый на очереди... Начальство знает: я ругаться не приду. Ну, и кормит меня гарантийными письмами. На руководство зуб иметь не положено. Так я себе в утешение представляю, будто не начальство виновато, а все остальные, те, которые вне очереди лезут. Вот злость и проходит. «Все» — это аморфно, округло, незримо, не за кого зацепиться. Не то что...

— Что?

— Не то что сын, будь он неладен! Каждую четверть дает слово хорошо учиться, быть прилежным, а на деле перебивается с двойки на тройку. Я, чтобы расстройства избежать, тоже своей логикой пользуюсь. Когда он слово дает, я в его обещания поправку вношу, занижаю. Да вот напасть: знаю, что пятерок не дождусь, но и четверки для него в диковину!

— Наказывать пробовали?

— От этих наказаний он еще выше обязательства загибает. Никакой логики не хватит, чтобы коррективы внести.

Или вот свежий пример. Забарахлил у меня телевизор. Вызвал мастера из телеателье. Явился молодой парень с нахальной такой физиономией, покопался минут десять, наладил и подает счет. Восемнадцать рублей, как одна копеечка. Чего там не написано! А на самом деле он только двухрублевую лампу заменил. Поверьте мне, радиоинженеру. Другой бы скандал закатил, а я, словно кролик перед коброй, выложил денежки — и точка. Беспомощен я перед наглецами...

— А вы не догадываетесь, зачем я вас у магазина поджидал?

— Не представляю.

— Я пришел сообщить, что ваша жена Ирина Родионовна больше не вернется домой. Мы давно любим друг друга. Вас же она называет медузой, растяпой, тряпкой, простите великодушно.

— Так я и знал! Даже когда она выходила за меня замуж и говорила, что любит, я по привычке вводил поправку и всю жизнь думал о разлуке. Ну что ж, я готов... Не подвела меня моя логика!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

НЕВЕСТА С ПРИДАНЫМ

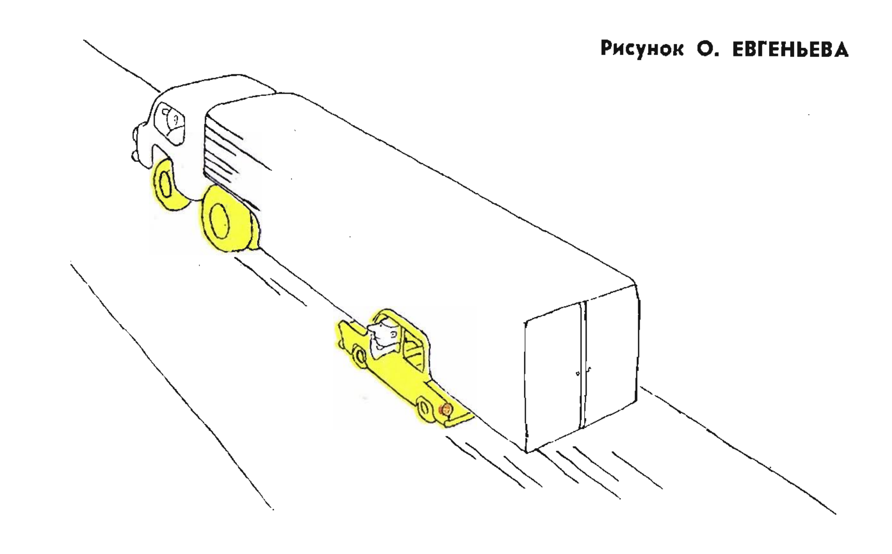
Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Вы только посмотрите, чем торгуете!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок О. ЕВГЕНЬЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«ТЕХНИЧ. АРХИВ»

Прием калек на размножение производится с 8¹⁵ до 9³⁰ и с 13⁰⁰ до 14⁰⁰

Институт «Севкавгипроводхоз», г. Пятигорск
Прислал В. Шелкоплясов

«Я нигде не училась аранжировке, но интуинтимно чувствую ее...»

(Из заявления)

«Срочно высылайте луковицы, второй год не имеем возможности размножаться».

(Из телеграммы)

Прислал В. Кожанов, Московская область

«Савчинский в беседе проявил нервозность, вследствие чего стал наносить как словесные оскорбления, так и наглядные путем дачи дули».

(Из протокола)

Копию сняла Н. Кулешова, г. Днепропетровск

«23 декабря
Для вас, офицерские жены!
1. Лекция
2. Художественный к/ф «Как стать мужчиной».

Прислал В. Иванов, г. Свердловск

«Рабочим и служащим прибывать на пожар за 15 минут до пожара».

(Из инструкции «О мерах пожарной безопасности»)

Выписал А. Седаков, г. Ломоносов

«Граждане!
В связи с ремонтом водопроводной сети в доме 23 января не будет света. Запасайтесь горячей водой».

Прислала А. Шматова, г. Одесса, ул. Терешковой, 32

Оркестровая секция

1. О недостатках в подготовке рук скрипачей, влияющих на технику левой руки и звукоизвлечение путем их устранения.
докл. Ланова Н.П.

(Из повестки дня методического совещания преподавателей музыкальных школ)

Прислал А. Петров, г. Куйбышев

«В течение года вырастить 10 человек ударников коммунистического труда, из них 3 человека к 29 марта».

(Из обязательства)

Прислала Л. Любченко, г. Белгород

«Штрафную! Штрафную!» — любим мы иногда любовно встречать запоздавшего гостя и сразу наливаем ему полный стакан водки. Гость тут же становится в нетрезвом состоянии и пытается завязать нетоварищеские отношения с женщинами. Откуда пошел этот интересный обычай? Он пошел от Петра I. Горе было тому вельможе или вельможе, которые опаздывали на ассамблею или вовсе не являлись на это мероприятие. Государь заставлял их выпить специальный штрафной кубок до дна, после чего вельможи падали навзничь под стол к общему удовольствию царя».

Газета «Березниковский рабочий»

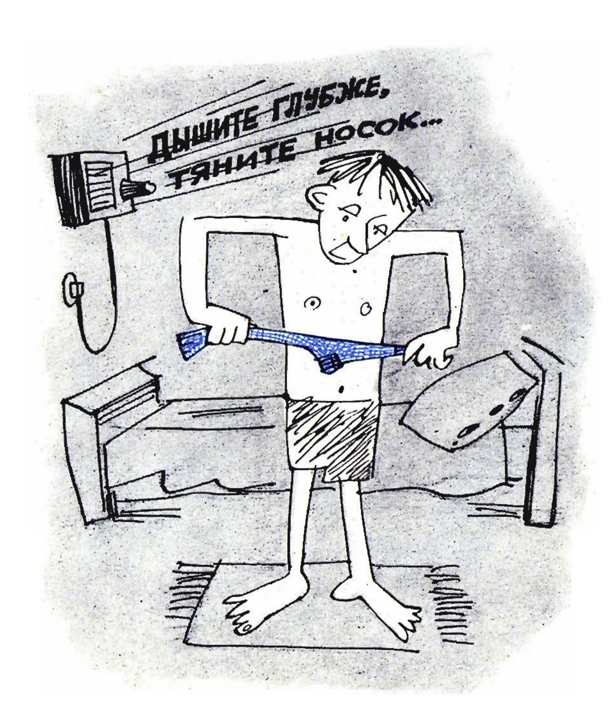

Рисунок С. СПАССКОГО

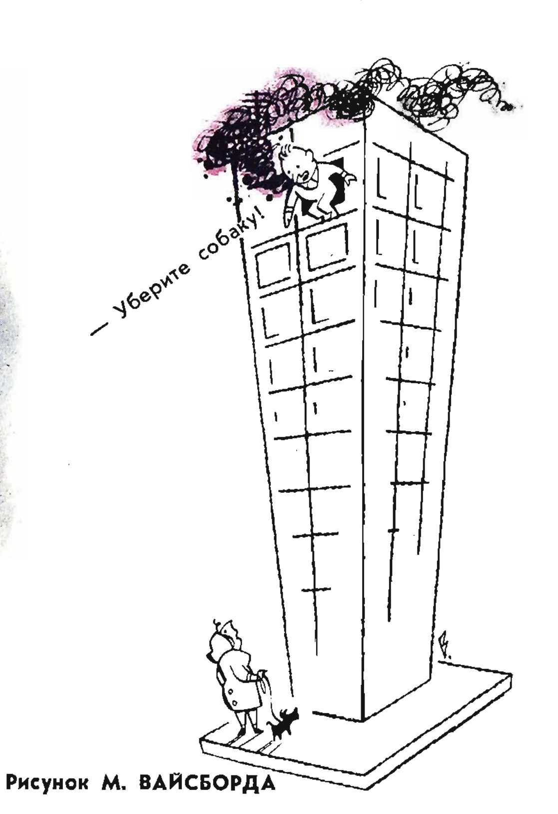

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

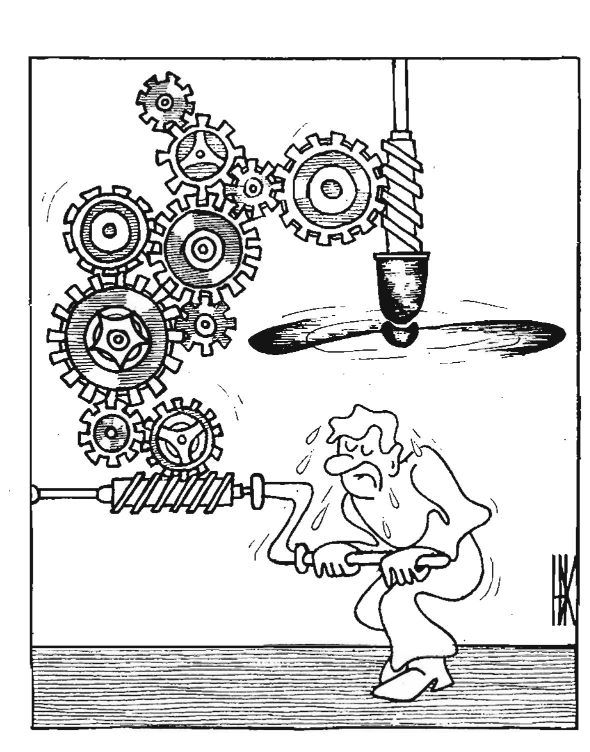

Рисунок Н. КАЛУГИНА

„ВХОД СВОБОДНЫЙ"

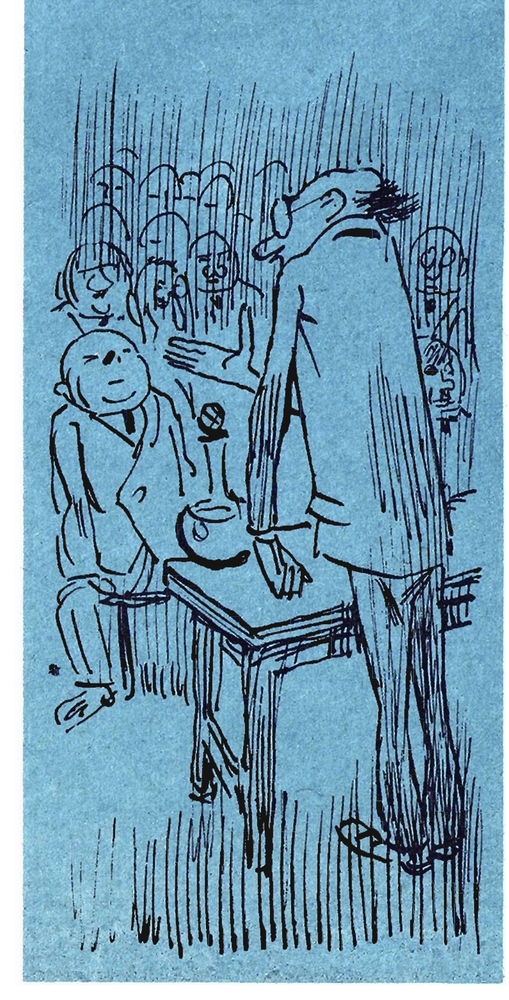
М. СЕМЕНОВ

На очередной встрече в Продолговатом зале крокодильцы познакомились с новой сатирической повестью М. Семенова «Галаховка».

В ней рассказывается о небольшом дачном поселке, где, прикрываясь удобной вывеской ЖСК «Лето», орудуют бывшие нэпманы и тоже бывшие мелкие хозяйчики. Возглавляет кооператив мясник Матвей Канюка, а консультантом по всякого рода темным махинациям состоит при нем Кай Юльевич Диогенов, по прозванию Теоретик.

Повесть «Галаховка» печатается в пятом номере журнала «Октябрь» и выходит в издательстве «Советский писатель».

Мы публикуем главу из второй части повести, действие которой происходит уже в послевоенное время.

Эту лекцию Кай Юльевич прочитал не по собственной инициативе. Теоретик, как и большинство его научных коллег, предпочитал творить в кабинетной тиши, елико возможно избегая гласности. К тому же Диогенов дал себе слово избегать публичных выступлений перед галаховской аудиторией. Обстоятельства, однако, вынудили его изменить этому решению.

Однажды утром хозяйка дачи, где жил Диогенов, вернувшись с рынка и вынув из авоськи мясо, сказала:

— Мясник Матвей совсем с ума спятил. Завернул бульонку в евангелие!

Кай Юльевич насторожился. Это был условный знак: если хозяйка принесет мясо, завернутое в листы какой-то книги с болгарским текстом, который она по невежеству принимала за церковнославянский, значит, возник важный повод для встречи.

Озабоченный Теоретик быстро оделся и направился к рынку. В безукоризненно сшитом светлом костюме, с перекинутым через плечо новеньким фотоаппаратом, он напоминал дачника, беспечно фланирующего по поселку. Потолкавшись для вида в овощном ряду, поглазев на румяных молодок, продававших в глиняных крынках, кувшинах и огромных обливных ведрах сметану, ряженку, творог, Диогенов проскользнул в узкий проулок между примыкающей к рынку кирпичной стеной гаража и рядом фанерных киосков. Затем тихо постучал в одну из дверей.

— А там открыто! — раздался из-за двери голос Матвея.

Диогенов вошел. В лавке стоял удушливый запах крови, горелой кожи и шерсти. Повсюду на полках валялись куски говяжьего мяса.

Матвей накинул на дверь крючок, выставил наружу табличку «Перерыв на обед» и захлопнул окошечко. В лавке стало еще сумрачнее.

Диогенов оглянулся. Канюка пододвинул ему табуретку и сказал:

— Присаживайтесь, Кай Юльевич. Не хотите ли выпить?

Диогенов поморщился: вот неприятная перемена, происшедшая с Канюкой за то время, пока они не виделись,— Матвей стал пить. И, зная, что ему сейчас предложат, Диогенов сказал:

— Днем я водку не пью.

— Правильно, не пьете, я запамятовал,— промолвил Матвей. Потом достал из деревянного шкафчика початую уже бутылку, налил три четверти стакана. В газетном свертке лежали соленые огурцы. Матвей выбрал самый большой, положил его на деревянный брус и, высоко взмахнув топором, разрубил огурец на две абсолютно равные части.

— Как глазомер? — спросил он Теоретика.

— Глазомер идеальный,— ответил Диогенов.

Матвей залпом выпил водку и захрустел огурцом. Диогенов почувствовал аромат чеснока, укропа, черносмородинового листа, и у него засосало под ложечкой: из-за срочного вызова он был вынужден прервать только что начатый завтрак.

— Вот какие дела, Кай Юльевич,— сказал Канюка, закусив,— надо взбодрить народ. И указать ему пути. Ведь мы, кажется, так договаривались?

— Договаривались.

— Народ опять вокруг нас подобрался подходящий, поселок уцелел. Развернуться есть где. И люди уж начинают пытать меня: чем, мол, займемся, Матвей Лазаревич? Правильно пытают. Помнится, мне один знакомый черкес говорил: «Если ты, Матвей, сшил бурдюк, наполни его вином или в крайнем случае кумысом, иначе пропадет твой бурдюк». Понимаете, к чему я клоню?

— Понимаю.

— Вот я и думаю: может быть, собраться нам всем вместе для беседы? Какую-нибудь грибную вылазку затеять и поговорить по душам. Как думаете, Кай Юльевич?

— Думаю, что время тайных сходок в лесу давно уже миновало. Я прочту лекцию.

Руководитель кооператива насторожился. Он не раз слышал по радио и видел в журналах, как юмористы и художники упорно высмеивают лекторов. Что же задумал Диогенов?

— Это будет полезная лекция, Кай Юльевич?

— Абсолютно.

Матвей ценил Теоретика за его находчивость, решительность. Вот и сейчас он не стал мямлить, рассусоливать, как поступили бы другие. Черт с ним, пусть читает лекцию, было бы только дело!

— Хорошо! К вам явится Кузнечиков, договоритесь с ним обо всем. Имейте в виду, что и я буду присутствовать на лекции.

— А я на это и рассчитываю,— сказал Диогенов.

— Тогда не смею вас больше задерживать.

Это была еще одна перемена: прокрутившись всю войну в Галаховском госпитале среди врачей, Канюка нахватался от них разных красивых выражений.

А Кузнечиков, инспектор Мосэнерго, успешно совмещавший обязанности контролера и связного, явился к Диогенову на следующий день. С ним была неизменная полевая сумка, плотно набитая квитанционными книжками, бланками актов, списками энергополучателей и разной чепухой. Под чепухой здесь подразумеваются смятые бумажки трех-, пяти- и десятирублевого достоинства, которые Кузнечиков имел обыкновение совать в сумку без разбора.

— Я продумал вопрос,— начал Кузнечиков без всяких предисловий.— Пускать на лекцию будем по спискам. На контроль поставлю четырех ребят, шестеро в резерве, на подходе к красному уголку.

— А что вы собираетесь устраивать, товарищ Кузнечиков? Тайную вечерю? Заседание ложи масонов?

— Не понимаю! Объясните! — взмолился Кузнечиков.

— А тут и объяснять нечего. То, что вы предлагаете,— уже нелегальщина.

— Но посторонние?

— Посторонних, если правильно организовать дело, не будет. О лекции известите кого нужно устно. А на двери вывесите объявление. И никаких контролеров!

Диогенов вытащил из ящика стола чистый лист бумаги и что-то написал на нем.

— Вот вам текст объявления.

Кузнечиков ушел, а Диогенов сел за конспект. На следующий день, в семь вечера, он уже выступал.

— Сегодня я буду говорить с вами, друзья,— начал он,— о процветании. В мире нет идеи более притягательной, чем процветание. Планеты Вселенной движутся вокруг Солнца, дела и помыслы людей сосредоточены вокруг процветания. К нему, как к солнцу, тянется все живое, оно каждому желанно,— его хотят достичь все люди независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания. В самом этом слове содержится нечто магнетическое и пленяющее.

Кузнечиков, несколько опасавшийся за исход предпринятого эксперимента, облегченно вздохнул. Такое начало лекции могло оказать честь любому штатному лектору.

— Нас радуют тучные нивы,— продолжал Диогенов,— отягощенные золотистыми плодами тенистые сады, лесные поляны, усеянные ягодами и грибами, реки, кишащие рыбой. Мы хотим видеть расстилающийся перед нами мир обильным и богатым.

Сидевший в первом ряду Канюка заерзал на стуле. Ему показалось, что Теоретик слишком долго витает в облаках, вместо того чтобы брать быка за рога. Но Диогенов твердо держался разработанного плана лекции.

— Процветание и богатство — вот высшая цель, которую поставило перед собой человечество,— говорил он.— Но люди идут к ней разными путями. Один из них — так называемое накопительство.

В основе теории накопительства лежит христианская мораль: человек должен быть бережливым, он обязан довольствоваться малым. «Копи, береги, откладывай!» — учит эта мораль. Между прочим, некогда распространенная в быту детская копилка являлась не чем иным, как вещественным выражением самой сути теории накопительства. А еще сохранившееся в разговорной речи выражение: «Деньги—в горшок!» — напоминает нам о действительно существовавшем когда-то горшке, куда прятали каждый лишний грош.

Эта теория оставила в фольклоре глубокие следы. «Копейка рубль бережет»,— гласит известная русская пословица. «Филе пфенниге махен айн талер»,— говорят немцы, что в переводе на русский означает: «Много пфеннигов делают талер». Накопительство, бережливость прославляются и пропагандируются на языках всех народов мира.

Бережливость — черта, безусловно, положительная. И все же накопительство как путь к богатству и процветанию оказалось

несостоятельным. Тысячи безумцев шли этим путем и бесславно погибали. Отказывая себе во всем, нищенствуя и голодая, они скапливали иногда большие богатства, но — увы! — уже не могли ими воспользоваться, будучи отозванными, как говорится, в мир иной.

При этих словах «накопитель» — старик Мизандронцев невольно вздрогнул.

— Одновременно с накопительством, — продолжал Диогенов,— развивалось и другое направление, которое я бы назвал экстремистским. Экстремисты начисто отвергали эволюционный, постепенный и потому крайне мучительный метод накапливания богатств. Они ратовали за быстрые акции, которые немедленно давали бы желанные результаты. Не буду говорить об алхимиках, этих чудаках средневековья, пытавшихся путем синтеза различных элементов получить золото. Но подлинные золотоискатели, несомненно, были ярыми приверженцами теории экстремизма. Впрочем, пароксизм золотоискательства тоже отражен в литературе достаточно широко.

Экстремизм был поистине могучей и непреодолимой силой. Стремление достичь небывалых богатств привело к великим географическим открытиям. Работорговля, эта необыкновенно выгодная купля-продажа, дала тот поразительный результат, что Америка, которая была вначале желтой, а затем и белой, стала еще и черной. А это, как вы знаете, является одним из глубочайших противоречий, раздирающих современное американское общество. Экстремизм привел к тому, что в морях и океанах, кроме ураганов и подводных рифов, возникло еще одно, может быть, самое грозное явление — пираты. Экстремизм внес существенные коррективы в животный мир планеты, навсегда вычеркнув из ее списков ряд видных представителей, как это случилось, например, с американскими бизонами.

Особо следует сказать о кладоискательстве. Это целая индустрия, целая отрасль знаний, имеющая свои законы, правила и постулаты. Будучи более замкнутым, чем другие, клан кладоискателей строго придерживается этих постулатов и старается уберечь их от огласки. Практически все, что накопили предшествующие древние цивилизации, стало достоянием этих алчных охотников до сокровищ. Такова печальная участь храмов древней Эллады, гробниц египетских фараонов, скифских курганов. Даже могущественное время оказалось бессильным побороть гранит этих древних памятников. Но простой заступ сделал свое дело, потому что его сжимала рука человека, движимого практически неукротимой энергией — жаждой обогащения.

В этом месте слушатели первый раз наградили лектора аплодисментами. Выждав, когда они смолкнут, Диогенов продолжал:

— Простите меня, друзья, за эти несколько отвлеченные рассуждения. Но они вполне уместны, поскольку позволяют взглянуть на нашу грешную земную действительность с высоты чистой теории. В ваших руках находится могучий природный фактор и, следовательно, практически неограниченные возможности. Приведем простейший пример.

Вот растет на полянке сосна. Пока от нее нет никакой видимой пользы. Но попробуйте повесить под ее раскидистыми ветвями гамак и уложить в него горожанина, именуемого в просторечии дачником,— и картина сразу изменится. В один прекрасный день вы заметите, что на сосне растут уже не вульгарные шишки, годные лишь для растопки самовара, а рубли, пятерки и даже червонцы.

Молодые березки не столь редкое в Подмосковье явление. Но поставьте среди них две скамьи, вройте посредине столик, отойдите в сторонку и понаблюдайте. Идут мимо двое: он и она. Вот они останавливаются, любуются.

«Ах, какой чудесный уголок, Маша, посмотри!» — говорит он.

«И впрямь прелестное местечко,— отвечает она.— Поди, Ваня, узнай, не сдадут ли нам тут комнату на лето?»

Теперь вы уж смело открывайте калитку и принимайте задаток. Расходы на несколько дощечек и перекладин перекрыты с лихвой. Фактор природы опять сработал безотказно.

Летом приятно поваляться на зеленой травке. Ну что ж, валяйся вволю, только плати! Хочешь сорвать яблочко? Пожалуйста! Или отведать свежей, сочной редиски прямо с гряды? Милости прошу! Не забывай лишь, что все эти невинные удовольствия будут поставлены тебе в счет.

Привлекайте в свои сады птиц, стройте искусственные гнезда и кормушки! Птицы не только отличные санитары лесов, они ведь и признанные мастера вокала. А за дачу с птичьим щебетанием вам дороже заплатят.

На вашем покрытом зеленью участке воздух — сама свежесть. Его можно смело назвать целебным нектаром. Но ведь и нектар тоже не отпускается бесплатно.

Вот, коротко говоря, наше зеленеющее, щебечущее и струящееся богатство! Надо только умело его использовать.

До сих пор я говорил лишь об одном сравнительно коротком времени года, столь символически отраженном в названии вашего кооператива. Но ведь существуют еще и осень, зима, весна. Ваши постояльцы, ваши кормильцы и мучители, уехали, и вы остались в приятном интимном одиночестве. За окном нудная, тоскливая капель, дороги развезло так, что по ним не ступить. И потому ждать гостей не приходится. О прелесть одиночества, о великие, поистине неоценимые достоинства уединения! Как же тут не заняться делом, к которому лежит сердце? Например, забытыми уже теперь опытами средневековых алхимиков, пытавшихся открыть тайну философского камня. Разбором и комплектованием коллекций почтовых марок или денежных знаков различного достоинства. Никто вам не помешает, ни один посторонний глаз не в состоянии заглянуть в вашу, так сказать, творческую лабораторию. Вы свободный и, следовательно, ничем не ограниченный кузнец своего счастья. Надеюсь, я ясно излагаю?

— Ясно! — донеслось из зала, и снова прогремели аплодисменты.

Посыпались вопросы. Диогенов, как всегда, отвечал четко, быстро, не задумываясь.

— Стоит ли сейчас заниматься кладоискательством?

— Надо не искать клады, а создавать их!

— Вы верите в деньги?

— Вопрос поставлен несколько дилетантски. Я верю в платежеспособность наших сберегательных касс!

— А как вы относитесь к драгоценным камням?

— Так же, как ваша корова к концентрированным кормам. Бриллианты и изумруды — это спрессованный и очень питательный продукт.

— Что вы посоветуете одинокой женщине со средствами?

— Не заводите знакомств с молодыми людьми без средств.

— Вы много говорили о природе. Надо ли ее охранять?

— Безусловно. Особенно ту ее часть, которая обнесена вашим забором.

— Вы сказали в лекции, что осуждаете воровство. Но почему не взять то, что плохо лежит?

— Что лежит плохо — пусть и лежит. Надо брать то, что лежит хорошо!

— Ваш любимый напиток?

— «Боржоми». Его пока еще не разбавляют водой.

— Ваше любимое блюдо?

— Телячьи отбивные. Всегда есть гарантия, что трехмесячный теленок еще не успел наделать грехов, в которых наверняка погрязла его мама.

— Кто самый богатый человек в мире?

— Тот, кто еще не успел разбогатеть.

Гул аплодисментов покрыл последние слова Диогенова. Слушатели выходили гурьбой, живо обмениваясь впечатлениями об интересном вечере.

Последним покинул красный уголок Кузнечиков. Он подошел к рекламному щиту, освещенному тусклым светом двадцатипятисвечовой лампочки. На афише значилось:

КРАСНЫЙ УГОЛОК ДАЧНОГО КООПЕРАТИВА «ЛЕТО»
СЕГОДНЯ ЛЕКЦИЯ:
«ПРИЛОЖИМ ВСЕ УСИЛИЯ ДЛЯ УСИЛЕНИЯ СБОРА СРЕДСТВ ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ СТРАХОВАНИЮ».
НАЧАЛО В 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.
ВХОД СВОБОДНЫЙ.

Последняя фраза афиши была написана жирным шрифтом. В ней и была разгадка замысла Теоретика. Тема лекции и свободный доступ надежно гарантировали, что ни один посторонний человек не захочет зайти в лекционный зал.

Кузнечиков бережно оторвал ашифу от щита и, сложив ее в несколько раз, засунул в полевую сумку.

Завтра утром он должен отнести афишу в бухгалтерию кооператива. А там ее приложат к счету автора афиши — художника Аввакума Хлабудского для оплаты. Статья кооперативной сметы «Расходы на массовые мероприятия» требовала строгой отчетности.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Голливудская актриса пришла к психиатру с жалобами на депрессию. Врач посоветовал ей изменить образ жизни и переменить обстановку.

— Доктор,— вздохнула звезда,— за последние годы я сменила семь автомобилей, пять квартир, двенадцать продюсеров, шесть супругов и многократно цвет волос. Скажите мне, ради бога, что еще я должна сменить?

●

Отец говорит дочери:

— Если ты хочешь иметь хорошего мужа,— выходи за пана Крисла. Никто не будет тебя любить больше, чем он.

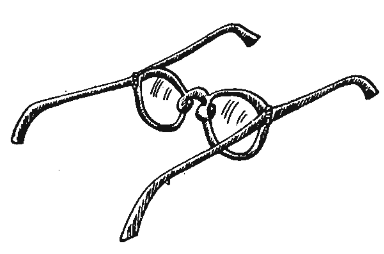
— Ты твердо уверен в этом, папа?

— Уверен. Вот уже шесть месяцев я занимаю у него деньги, а он все еще продолжает к нам ходить.

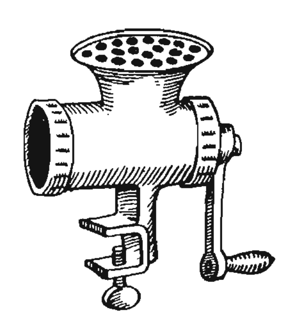
ПАТЕНТЫ

ХУДОЖНИКА БОЖО КОСА

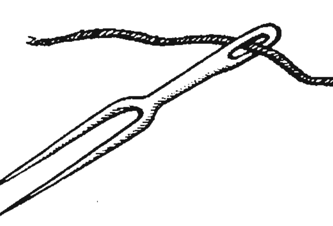
«Павлиха», Югославия

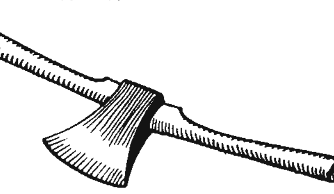
Очки для влюбленных.

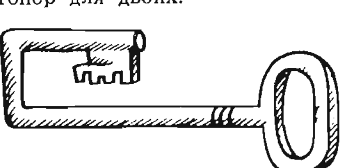
Машина для превращения фарша в вырезку.

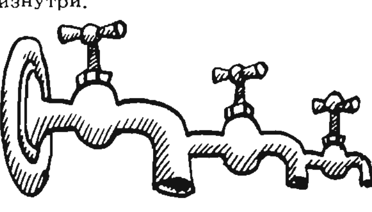
Иголка для двойного шва.

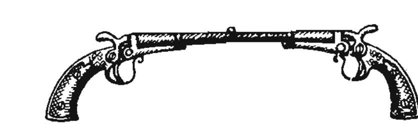
Топор для двоих.

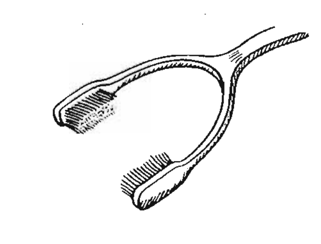
Ключ для отпирания комнаты изнутри.

Кран для холодной, теплой и горячей воды.

Пистолеты для дуэли в малогабаритной квартире.

Зубная щетка для тех, у кого только коренные.

Людвик КЕРН (Польша)

СУДЬБА ОТКРЫВАТЕЛЯ

Эта история всем знакома:
Чтоб время сберечь
на службе и дома,
Выдумал многое Сапиенс Гомо:
Колеса (ехать — быстрей,
чем идти),
Кратчайшие морские пути,
Печатный станок,
Дежурные блюда,
Машину,
где моется быстро посуда,
Еще стенографию,
Вспышки-блицы,
Логарифмические таблицы,
Пробну пластмассовую
для бутылки,
Электробритву,
Аэроплан...
И, наконец,
Почесав в затылке,
Взял и придумал телеэкран!

Теперь в экран глядит он
до полночи,
Не делая ни шага за порог,
И всей семьей транжирит
что есть мочи
То время, что столетьями берег.

Перевел Н. КНЯЗЕВ

Робер ПИК (Франция)

СТРАШНЫЙ ЭКЗАМЕН

Мы только сели обедать, как дверь распахнулась и на пороге появился дядюшка Бернар. Он вообще редко улыбался, а на этот раз вид у него был такой, словно он только что заложил в ломбард последнюю пару брюк.

— Привет, Бернар,— сказал я,— держу пари, что с тобой случилось что-то ужасное!

— Ты угадал! Я не смог сдать экзамен на водительские права. Одному богу известно, как хорошо я был подготовлен! Шесть месяцев я не пропускал ни одного занятия, вожу машину лучше профессионального гонщика, а этот негодяй инструктор завалил меня!

Сначала все шло великолепно. Наконец, экзаменатор сказал: «Да, в городе, очевидно, вы сможете управлять машиной, но я хотел бы проверить, как вы будете вести ее по шоссе».

«Ну что ж,— подумал я,— пожалуйста, я готов». Мы выехали на шоссе. Экзаменатор следил, как блестяще я вел машину, как виртуозно переключал рычаги. Он даже попросил прибавить скорость. «Пожалуйста, я готов»,— подумал я. Когда спидометр показал 140 километров в час, этот идиот вдруг схватил руль и попытался направить машину в кювет...

— Невероятно! Он хотел покончить жизнь самоубийством! — испуганно закричала моя жена.

— Нет, он хотел, как он мне потом объяснил, проверить, что я предприму в случае, если вдруг мой пассажир сойдет с ума. Но я не растерялся. С километр мы мчались буквально на двух колесах, пока мне не удалось, наконец, выровнять машину. И тут, представляете, он вдруг выхватывает из кармана револьвер и начинает стрелять перед самым моим носом. Холостыми зарядами, конечно, но тем не менее кончик моего носа поджарился, как хорошенький цыпленок. Посмотрите...

— А это зачем?

— Он хотел посмотреть, как я буду себя вести, если пассажир будет пытаться меня убить. Сейчас, видите ли, так много людей поднимают руку и просят их подвезти, что трудно поручиться, каковы в действительности их намерения.

— Ну, и как ты среагировал? — спросил я.

— Я стиснул зубы и, не моргнув глазом, продолжал управлять машиной, словно ничего не случилось. Однако мои страдания на этом не кончились! Через несколько километров мой мучитель достал из кармана мешочек из плотной ткани и внезапно водрузил его мне на голову, словно я был не начинающим водителем, а ловчим соколом. Но я вел машину как ни в чем ни бывало.

— Как? Он надел тебе мешок на голову, когда вы летели на адской скорости?

— Хотел посмотреть, что я буду делать, если внезапно настанет ночь.

— Ночь очень редко опускается на землю с такой скоростью даже тогда, когда она опаздывает,— заметила моя жена.

— Это было моим последним испытанием. Мы вернулись в город. Инструктор приказал остановить машину возле тротуара и торжественно произнес: «Вы не сделали ни одной ошибки. Очень хорошо! Сейчас мы оформим документы». Он вышел из машины и вдруг сказал:

«Простите, я, кажется, поторопился. Вы остановили машину в десяти сантиметрах от тротуара вместо положенных восьми. Придется вам явиться на экзамен еще раз».

Видели вы когда-нибудь такого формалиста? А?

●

— Ты знаешь, я вчера прочитал в газете, что глубокое дыхание убивает микробов.

— Может быть. Но как заставить их дышать глубоко?

●

— Большого приданого я дать не могу,— говорит врач своему будущему зятю, тоже врачу.— Но зато, дорогой мой, я уступаю тебе двух моих лучших пациентов, которых лечу уже более двадцати лет. У одного хронический катар легких, другой страдает катаром кишок. Надеюсь, ты не будешь настолько безрассудным, чтобы быстро их вылечить и лишиться постоянного и верного дохода.

●

Начальник приказывает секретарше:

— Это письмо очень важное, поэтому положите его рядом со своим лаком для ногтей, чтобы мы сразу могли его найти, когда понадобится.

Любомир ЯНОВ (Болгария)

Юбилей

Зал был переполнен. Молодой критик с восторгом говорил о творчестве юбиляра. Присутствовавшие благоговейно смотрели на стол президиума. Только сам юбиляр, старый писатель, не обращал внимания на оратора. Он рассеянно рисовал в своем блокноте каких-то человечков, и мысли его не могли сосредоточиться на чем-то определенном.

Вот молодые литераторы сидят и ждут, когда юбиляр возьмет слово и откроет им секрет, как он стал известным, оригинальным, самобытным. Что ему сказать этим молодым людям? Правду? Это было бы самое простое, но этого нельзя было делать, правда-то была необычной.

Все началось после свадьбы. Его жена была красивой и очень ревнивой женщиной. Каждый раз, когда он немного опаздывал с работы, ему приходилось долго объясняться, где и с кем он был. И если он не врал, жена ему не верила, так как правда зачастую малоубедительна. Возникали перебранки, которые затягивались иногда до полуночи.

Тогда он начал выдумывать разные ситуации, приключения и случаи, которые с ним якобы происходили. Все это он подавал занимательно, с недюжинной фантазией и настолько вживался в образы, что сам начинал верить в их реальность, не говоря уже о жене.

Таким способом он обеспечивал себе возможность посидеть вечерком с друзьями. Перед каждой встречей с ними он сочинял историю для супруги. Но, увы, наступал склероз. Пока он доходил из кафе до дому, он иногда забывал, что придумал. Тогда он стал все записывать.

В один из вечеров он случайно положил исписанные листки на стол. Их взял его приятель, прочитал и сказал:

— Оригинальная история! Кто это написал?

Ему не хотелось все объяснять, и он ответил, что иногда пописывает, так, сам для себя. Он хотел вырвать листки из рук у приятеля, но тот не отдавал. А на следующий день друзья отнесли рукопись в редакцию. Рассказ понравился. Встретились, чтобы вспрыснуть гонорар. Воодушевленный успехом, он прочитал им новый рассказ. Его тоже напечатали. Так он вошел в литературу.

А сейчас вот нужно говорить о тернистой писательской стезе. Что же о ней сказать?.. В этот момент в зал вошла жена. Гордая, счастливая, она села в первом ряду. Это его успокоило. Собственно, она всегда была его музой, вдохновлявшей его на выдумки. Сейчас-то уж он обязательно что-нибудь придумает. Может быть, скажет, что в детстве бабушка рассказывала ему много сказок или что в школе задали однажды сочинение...

Когда ему предоставили слово, юбиляр уверенно пошел к трибуне.

●

Супружеская пара приехала из Дании в Италию и отправилась перекусить в ресторан. Они долго изучали меню и гадали, что скрывается под экзотическими названиями. Наконец супруг решительно заявил:

— Принесите нам две порции вери-чел-ли.

— К сожалению, это невозможно,— извинился официант.— Веричелли — это хозяин ресторана...

●

Дирижер оркестра после концерта получил записку следующего содержания: «Я не доносчик, сэр, но хочу обратить ваше внимание, что ленивый джентльмен, сидящий в углу с большим барабаном, играет только, когда Вы на него смотрите».

●

— Мой муж бросил курить.

— С ума сойти! Какую же сильную волю надо иметь для этого.

— Да, у меня она есть.

КРОКОДИЛ

№ 9 (2019)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Битный, А. Грунин, О. Евгеньев, В. Жаринов, Н. Калугин, Н. Корягин, Олег Попов, М. Скобелев, И. Смирнов, В. Тесленко (г. Воронеж), В. Тильман, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 7/III 1972 г. А 00888. Подписано к печати 17/III 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1 завод: 1 — 3 170 400). Изд. № 676. Заказ № 2665.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865 Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

СОВРЕМЕННЫЙ КЕНТАВР

Рисунок **М. СКОБЕЛЕВА**